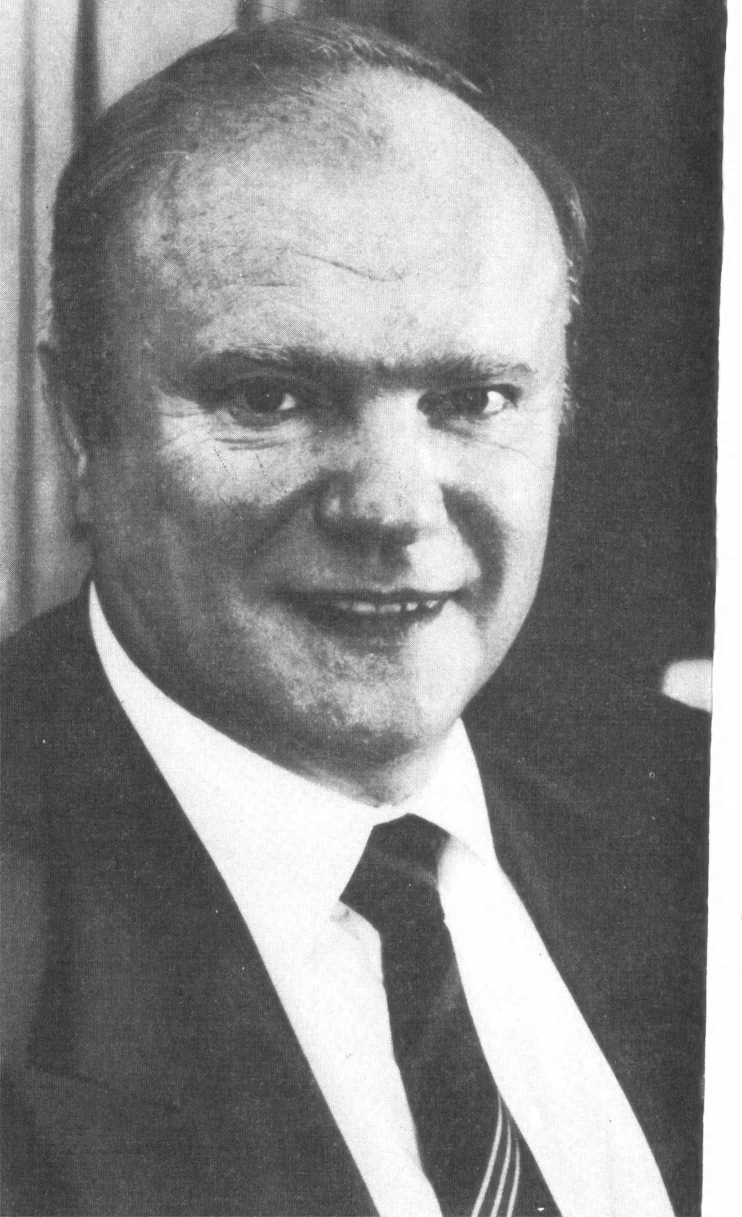
Г.А. ЗЮГАНОВ

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

ИНФОРМПЕЧАТЬ

Г.А. ЗЮГАНОВ

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Москва
ИНФОРМПЕЧАТЬ
1995

ББК 67.99(2Рос)
З-98

Зюганов Геннадий Андреевич

З-98 Россия и современный мир. — М.: Информпечать, 1995 г. — 96 с.

ISBN 5—88010—015—4

Весной этого года Геннадий Зюганов — председатель ЦК Компартии Российской Федерации, лидер фракции коммунистов в Госдуме РФ успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Основные тенденции и механизм социально-политических изменений в современной России». Эта книга содержит основные положения его научного исследования. Но рамки «академической» работы ей явно тесны. Страстность изложения материала, определенность авторской позиции ставят книгу в ряд произведений актуальной политической публицистики. Она — для россиян, болеющих за Россию, озабоченных дальнейшей судьбой страны.

З $\frac{0803010000}{11370533-95}$ Без объявл. ББК 67.99(2Рос)

ISBN 5—88010—015—4

У развилки дорог
(*Вместо предисловия*)

I

Все честные люди видят ту обстановку, в которой находится наша страна, наше общество, понимают, насколько близко обстановка подошла к критическому рубежу, и ищут выход из этой драматической ситуации. Какие бы мы ни выдвигали идеи и концепции, нужно всегда помнить, что у каждого человека есть ряд ценностей, которые имеют непреходящее значение: это культура, духовность, экология, безопасность, здоровье, территориальная целостность страны, возможность достойного демократического общения и многие другие. Сегодня стало совершенно очевидно, что идеология либерализма на просторах России не просто потерпела сокрушительное поражение, но и привела к невиданным бедствиям, трагедиям, а во многих регионах — просто к откровенному геноциду, насилию и войнам.

Идет трудный и довольно интенсивный поиск выхода из тупика. По сути дела наш былинный Илья Муромец сегодня стоит у развилки трех дорог.

Одна дорога ведет к тому, чтобы превратить всю страну в большую Чечню по кавказскому варианту, что совершенно неприемлемо даже для самых оголтелых и радикальных.

Вторая дорога — превращение страны в большую Колумбию, когда политика сращивается с мафией, а мафия резко политизируется. Все очертания возможной конструкции такого государства уже налицо — готовность к неограниченным репрессиям внутри страны и ядерному шантажу вовне. Эти люди не имеют никаких моральных тормозов.

И третья дорога — демократическое развитие на основе российской государственности, высокой духовности, исторической традиции, которая бы связывала воедино как прошлое, так и настоящее, создавая народу будущее.

Выдающийся русский мыслитель Иван Ильин писал: «Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенациональное достояние. Мы не смеем обещать от лица России никому ничего. Мы должны помнить ее и только ее. Мы должны быть верны ей и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблое и предательское».

Уверен, что абсолютному большинству достопочтенных граждан нашей страны не хотелось бы быть поколением дряблым и тем более предательским.

В этой связи приобретает ныне особый смысл вопрос **создания союза государственно-патриотических сил. Мы видим прежде всего его роль в проведении выборов всех трех ступеней: местных, думских, президентских. И хотели бы сообща с очень широким кругом патриотов подготовить такую совместную программу, которая бы была приемлема для страны, для нации, для многонационального нашего сообщества и отвечала будущим интересам всех, кто живет с нами не только в одной стране, но и является нашими соседями.**

II

Проблемы развития России, ее обустройства всегда находились в центре внимания русской философской мысли, идейных исканий интеллигенции, политических страстей и борений. Их актуальность особенно возрастает в переломные, рубежные моменты истории нашего Отечества, возникающие с малоприсущими другим странам постоянством и периодичностью, когда высочайшие взлеты державной мощи и духовной чистоты чередуются с периодами государственно-политических катастроф и религиозно-нравственных затмений.

Именно тогда со всей остротой в повестку дня выдвигается общественная потребность поиска и выбора путей развития, способов и средств достижения общественно значимых целей, решения задач, от которых зависит судьба страны не только в настоящем, но и в обозримом будущем.

Социализм в той форме, которая возникла на территории России, способствовал как сохранению целостности государства, так и превращению его в могущественную державу. Сложившаяся новая социально-политическая система позволила произвести за кратчайший исторический срок крупные перемены в сфере производства, образования, науки, медицинского обслуживания, обеспечения трудящихся жильем, гарантированного права на отдых, пользования культурными ценностями.

Была создана мощная армия, вооруженная современной техникой, достигнуты большие успехи во внешней политике. Но, как известно, российская форма социализма обнаружила серьезные изъяны.

В принципе их можно было устранить. Но в силу ряда объективных и субъективных причин это не было сделано.

На рубеже 70—80-х годов народное хозяйство СССР стало проявлять признаки стагнации. Причина заключалась в том, что монополия государственной собственности (колхозная форма собственности де-факто оказалась разновидностью государственной) стала препятствовать развитию общества, так как утратила объективную потребность в совершенствовании производства, вводе новых технологий, мотивации труда и т.д.

Государственная собственность способствовала формированию жесткой политической системы, которая к концу 70-х годов приняла завершенный вид, вобрав в себя КПСС, органы Советской власти, профсоюзы, силовые мини-

стерства, иностранных дел, промышленный и аграрный комплексы. Произошло фактическое слияние партии и государства, пронизанное единой идеологией. Таким образом, сложилась законченная политико-управленческая система. Ее основной функцией стала функция охранительная, препятствовавшая всяким попыткам изменения сложившегося статус-кво.

Тенденции к изменению этой системы проявлялись в обществе в 60—70-е годы и были связаны с деятельностью таких политических лидеров, как Н.С.Хрущев, А.Н.Косыгин и особенно Ю.В.Андропов. Однако их попытки (за исключением, может быть, усилий А.Н.Косыгина) не выходили за рамки существовавших отношений собственности и политико-идеологической управленческой системы.

Тем не менее в стране постепенно накапливались интеллектуальный и материальный потенциалы, которые уже не могли вместиться в рамки утвердившейся общественно-политической структуры. Общество неизбежно приближалось к черте, за которой тенденция к его преобразованию стала неотвратимой. Все государственно-общественные институты оказались в состоянии вялотекущей стагнации ключевых сфер их жизнедеятельности, названном собирательным понятием — «период застоя». Происходившие в этот период процессы во всех сферах жизни страны развивались в режиме торможения.

Попытки преодолеть механизм торможения в ходе перестройки с помощью ускорения социально-экономического развития и реформы

политической системы не привели к ожидаемым результатам.

Одним из направлений поиска явилась так называемая идеология обновления. Заложенный в ее основу приоритет общечеловеческих ценностей дал некоторый толчок гуманизации идеологической деятельности, диалектическому осмыслению действительности, расширил диапазон идейных и философских исканий. Но прогнозируемого выхода идеологии на качественно новый виток развития не произошло. **Общечеловеческие ценности, вырванные из реального контекста классовых, национальных, информационных и геополитических интересов, оказались социально и политически размытыми, утратили, по сути, всякие реальные очертания.**

Особенно это проявилось в той сфере, где достижения перестройки принято считать непререкаемыми, — в сфере международных отношений. Произведенная уже тогда их деидеологизация на поверку вышла весьма однобокой. Преимущества оказались за другой стороной. Новое политическое мышление сперва заслонило от нас противоречие между трудом и капиталом, а затем начало отчуждаться и от основных межимпериалистических противоречий. Диалектическое единство борьбы в идеологии и сотрудничества в политике было деформировано, его место заняло механическое единство разнородных систем Запада и Востока.

Для общества это имело далеко идущие последствия. **Творцы идеологии обновления на деле капитулировали перед конкретными ценностями западного образа жизни. Была развернута безудер-**

жная апологетика этого образа жизни, приведшая к тому, что миф о развитом социализме заменили на миф о развитом капитализме.

К аналогичному итогу деидеологизация привела внутри страны. Под видом обновления идеологии господствующие позиции заняли эклектика и популизм.

Совершенно правы те философы и политологи, кто считает, что понятия «перестройка», «ускорение», «человеческий фактор», «качественно новое состояние общества», «социалистический выбор», как и формула «больше демократии — больше социализма», были не категориями идеологии обновления, а иллюзией теоретической новизны, этакой дымовой завесой во время отступления. Каждое из перечисленных понятий было лишено конкретного содержания, его можно было толковать так, как было выгодно данному лицу или группе лиц. И толковали.

С конца 1991 г. в динамике преобразований страны был совершен переход от ее реформирования в рамках формационных изменений к сверхрадикальной ломке сложившегося в послеоктябрьскую (1917 г.) эпоху уклада жизни и образа мыслей.

Предложенный механизм такой ломки обернулся грандиозными катаклизмами. Его структурными элементами стали: распад СССР; появление независимых государств; ликвидация уникального типа государственности и власти — системы Советов всех уровней; демонтаж созданного за десятилетия единого народнохозяйственного комплекса; повсеместный, небыва-

лый в мировой практике, спад общественного производства, сопровождающийся развалом целых, некогда благополучных, отраслей экономики; неуклонное снижение уровня жизни миллионов людей при обвальном падении рождаемости и росте смертности, сопоставимых с периодами жесточайших войн; превращение общества в размытую социально-невыразительную массу, стремительно утрачивающую присущую ему систему ценностей и идеалов; появление мафиозно-коррумпированной прослойки; небывалый разгул преступности и коррупции, показатель, по которому Россия, если не принять незамедлительных мер, способна догнать, а то и перегнать многие государства; угроза существованию некогда передовым науке и образованию, самой культуре как материальной и духовной среде обитания человека.

В этой связи *неизбежно возникают столь роковые для всех нас вопросы: что происходит с Россией в последние 8—10 лет? Каковы действительные, непоказные причины очередной российской смуты, ее главные движущие силы, цели и средства, исполнители и вожди? Каковы наши реальные перспективы? Что необходимо сделать, чтобы поставить, наконец, ситуацию под контроль? Где выход из политического, экономического и идеологического тупика, в котором мы оказались? Какова цена мифической «свободы», доверчивости, беззаботности и безрассудства миллионов — с одной стороны; предательства, властолюбия, хитрости и злобы единиц — с другой?*

По-новому встала теперь проблема места и роли России в изменившейся геополитической

ситуации. С исчезновением двухполюсного механизма регулирования международной ситуации, при котором она определялась главным образом взаимоотношениями между СССР и США, на планете возникла абсолютно новая расстановка сил.

США, Западная Европа, куда не совсем вмещается объединенная Германия, Россия, которую при всей ее внутренней неустойчивости и слабости пока еще рано списывать со счетов как великую державу, миллиардный Китай, Япония, на горизонте Индия, далее «маячит» Бразилия. Под воздействием новой расстановки сил вынужден будет объединиться арабский Восток. В геополитике возникло уравнение не с двумя, как прежде, а с многими неизвестными величинами. Сбалансировать все эти интересы гораздо сложнее.

Наряду с крупными изменениями политических, экономических и военных паритетов **на планете продолжают усложняться, обостряясь с каждым годом, глобальные проблемы цивилизации в целом: сырьевой и энергетический кризисы, радиационное и электромагнитное загрязнение Земли, разрушение озонового слоя атмосферы, ухудшение экологического состояния, возникновение и разрастание эпидемий новых болезней, опасных тенденций роста региональных и межнациональных конфликтов, усиление безнравственности, пропаганда культа насилия и др.**

Уже не только Россия и бывшие республики СССР, но и вся планета Земля оказались перед выбором общей философии выживания.

III

Роль и место России в мировом сообществе, особенно после соглашений, подписанных в Беловежской Пуще (декабрь 1991 г.), показывают, что особую актуальность приобретает разработка цивилизационных и геополитических подходов.

Эта проблематика обратила на себя пристальное внимание наших ученых на рубеже 60—70-х годов, когда решалась задача достижения военно-стратегического паритета между СССР и США. Но особенно популярной она стала в перестроечный период. При ряде существенных оговорок было наконец официально признано, что у социализма как мировой системы есть своя роль не только как ядра мирового революционного процесса, но и как геополитической структуры, обладающей вполне определенным набором цивилизационных признаков, а **у нашей страны — свои, особенные планетарные интересы, обусловленные ее местом и значением в развитии человечества.**

Теоретический поиск цивилизационных и геополитических решений был осложнен рядом привходящих обстоятельств. Таких, например, как пренебрежение любыми, особенно при оценке изменений в духовной жизни и национальных отношениях, явлениями, которые плохо укладывались в упрощенные, вульгаризированные трактовки марксистской теории общественно-экономических формаций, а в период перестройки затрудняли, ставя под сомнение, усилия «архитекторов» и «прорабов» по обоснованию нового политического мышления.

Кстати, аналогичные погрешности проявляются и ныне при разработке официального внешнеполитического курса России.

Преодоление этих и других, главным образом искусственных, издержек позволит возвратиться к осмыслению опыта исторической России, стоящей на стыке европейского и азиатского типов цивилизаций, естественного ядра евразийства, явления во многом уникального и малоизученного именно с точки зрения его социально-политических характеристик. Таким образом, целостное понимание картины объективных тенденций и механизмов социально-политических изменений в современном российском обществе только складывается. Как, впрочем, в стадии формирования находится и сама философия политики новейшего времени. Для этой философии преобладающими становятся такие несущие мировоззренческие конструкции, как:

— *утверждение плюрализма в методологии познания;*

— *признание равноправия за различными идейно-политическими учениями и доктринами, разумеется, не преследующими человеконенавистнические и иные антигуманные цели;*

— *приоритет терпимости над конфронтационностью при сопоставлении разных, в том числе и диаметрально противоположных, точек зрения;*

— *открытость к восприятию наиболее ценных, с позиций глубины и обоснованности анализа, перспектив общественного развития философско-политологических новаций — как атеистических, так и религиозных.*

Именно эти компоненты более всего отвечают злободневным потребностям становления нового качества человеческой цивилизации и как следствие — духовного освоения действительности. Они же позволяют с максимальной долей полноты наметить пути решения главной стратегической задачи для долговременного выживания России — обретение конструктивного мировоззрения и духовного здоровья нации.

Время диктует необходимость создания эффективной, отвечающей требованиям современности «идеологии патриотизма». Она может стать не только надежным мировоззренческим основанием для функционирования государственных механизмов российской державы, но и заложить теоретические и философские предпосылки практики формирования в лице России мощнейшего альтернативного центра мирового влияния, способного олицетворять справедливость и народовластие, социальные, политические, культурные и экономические принципы «континентальной» (в противовес «мондиалистской») линии развития современной человеческой цивилизации.

IV

Размышляя о будущем, мы просто обязаны посоветоваться с теми, кто размышлял об этих проблемах до нас.

Особое значение при анализе отечественной теории цивилизаций имеют исследования представителей так называемого «консервативно-охранительного» лагеря Н.Я.Данилевского и

К.Н.Леонтьева[1]. В своей знаменитой книге «Россия и Европа» Данилевский, на основании анализа исторического процесса с древнейших времен до современных автору событий, подверг критике главный эволюционистский принцип исторической науки, предполагающий последовательное, прогрессирующее развитие человечества от низших культурных форм к высшим.

«Естественная система истории, — писал Данилевский, — должна заключаться в различении культурно-исторических типов, как главной основы ее деления». Вот этот «культурно-исторический тип» Данилевского и есть научное обозначение того исторического явления, которое сегодня ученые всего мира все чаще обозначают термином «цивилизация».

При анализе духовных основ российской державности и патриотизма, выраженных собирательным понятием «русская идея», без современной трактовки которой вряд ли осуществим плодотворный поиск путей восстановления государственно-политического тела страны в свойственных ему исторических параметрах, мы должны также обратиться к работам Вл.С.Соловьева и Н.А.Бердяева, религиозных мыслителей С.Н. и Е.Н.Трубецких, Павла Флоренского и Сергия Булгакова, историка Православной Церкви А.В.Карташева.

Представляют интерес работы некоторых зарубежных авторов. В частности, научные поиски Освальда Шпенглера. В книге «Закат

---

[1] *Данилевский Н.Я.* **Россия и Европа.** СПб., 1988. *Леонтьев К.Н.* **Собрание сочинений.** Т. I—IX. М., 1912—1913.

Европы» он поставил задачу, «исходя из мировоззренческих предпосылок, определить западно-европейско-американскую ситуацию между 1800 и 2000 годами». Вывод ученого был малоутешителен: «Мы, люди западноевропейской культуры, точно ограниченного во времени периода от 10-го до 20-го столетия, — писал он, — являемся исключением, а не правилом... И, может быть, когда угаснет цивилизация Запада, носителем которой мы ныне являемся, то более не появится уже культуры и, стало быть, человеческого типа, для которого «всемирная история» есть одна из форм и одно из содержаний космического сознания». И далее: «Гибель Запада, рассматриваемая под таким углом зрения, представляет не более, не менее, как проблему цивилизаций. Здесь перед нами один из самых основных вопросов истории: что такое цивилизация, понятая как логическое следствие, как завершение и исход всякой культуры?»[1]

Следует, на наш взгляд, внимательно отнестись к ключевым положениям всемирно известной теории исторического развития человечества Арнольда Тойнби, а также к концепции «конца истории» Френсиса Фукуямы.

Громадное влияние на состояние современных философско-политологических учений, философии истории в целом оказывает теоретическое наследие безвременно ушедшего от нас

---

[1] *Шпенглер О.* **Причинность и судьба. Закат Европы.** Т.1., ч. I., СПб., 1923, с. 16, 33.

Льва Николаевича Гумилева[1]. Выдвинутая им теория пассионарности явилась выдающимся вкладом не только в учение этногенеза, генезиса цивилизаций на российских просторах, но послужила мощным отправным толчком для поиска нетрадиционных методов и подходов к анализу объективных тенденций и реальных механизмов социально-политических изменений, особенно в переломные для судеб России периоды.

V

Российское общество не может продвинуться вперед, не осознав отчетливо особенностей исторического пути, характера стоящих перед ним проблем, принципов и целей, которые могли бы лечь в основу перспективной модели развития.

Требуется прежде всего научное осмысление происходящих в мире объективных процессов в сферах материального производства, науки и техники, духовности, социальных, политических, национальных, идеологических отношений. Нужно глубоко понять состояние и роль силовых структур в жизни современного общества, роль концентрированного капитала в руках некоторых национальных и транснациональ-

[1] *Гумилев Л.Н.* **Древняя Русь и великая степь.** М., 1992. **Из истории Евразии.** М., 1993. **От Руси до России.** Очерк этнической истории. СПб., 1992. **Ритмы Евразии.** Эпохи и цивилизации. М., 1993. **Этносфера.** История людей и история. М., 1993.

ных групп, выступающих стимуляторами, организаторами и режиссерами социальных катаклизмов. Проследить тенденции взаимоотношений между государствами в условиях нарастающего сырьевого и энергетического дефицита, острой конкуренции за рынки сбыта.

Осуществить комплексный философско-политологический анализ объективных тенденций и механизмов социально-политических изменений в России последнего десятилетия в контексте мирового развития; предложить национально-государственную доктрину, опирающуюся на исследование долговременных интересов и тенденций развития Отечества, духа и характера народа, своеобразных закономерностей его державного, экономического и культурного строительства.

Опыт и здравый смысл, научный анализ и культурная традиция подтверждают:

- *с точки зрения исторической, Россия являет собой особый тип цивилизации, наследующий и продолжающий тысячелетнюю традицию Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Союза ССР;*
- *с точки зрения геополитической, Россия — стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят гегемонистским тенденциям «океанской державы» США и атлантического «большого пространства»;*
- *с точки зрения мировоззренческо-идеологической, Россия — выразитель культурно-исторической и нравственной традиции, фундаментальными ценностями которой являются соборность,*

коллективизм, державность (государственная самодостаточность) и стремление к воплощению высших идеалов добра и справедливости;

- *с точки зрения национальной, Россия — сложная этническая общность, в основе которой лежит мощное национальное ядро русских, украинцев и белорусов;*
- *с точки зрения экономической, Россия есть автономный хозяйственный организм, принципиально отличающийся по законам своей деятельности от западной модели «свободного рынка».*

Россия как самобытный организм имеет свои особые закономерности развития. Автор согласен с учеными, считающими, что особенность развития России заключена в особенностях не одного компонента, а всех: способа производства, общественной жизни, ее населения, или человеческого потенциала, способа материального производства и географической среды. Эта особенность сформировалась на основе специфики проявления в данном регионе противоречий между обществом и природой. Последние обусловили особенности внутреннего положения России, «особую душу» русского народа.

Ситуации, ставившие Россию перед необходимостью сделать решительный и спасительный шаг, не раз возникали в ее тысячелетней истории, и наши предки всегда с честью выходили из них. Вспомним собирание по крупицам порушенных татаро-монгольским и тевтонским нашествиями русских земель вокруг Москвы; земско-соборную практику преодоления лихолетья Смутного времени в XVI—XVII вв.: прорубание Петром I «окна в Европу»; знаменитое «Рос-

сия сосредоточивается» канцлера Горчакова после неудач Крымской войны и неоправданной затяжки с отменой крепостного права; воссоздание государственного единства и экономического могущества страны после краха царизма и Временного правительства в 1917 г.; наконец, стремительное возрождение страны и ее выход на передовые рубежи в мире после победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Так что нам есть с кого брать пример.

VI

Основанный на методологии К.Маркса и В.И.Ленина анализ геополитической ситуации второй половины XIX — первой половины XX в., взявших за отправную точку отсчета классовый антагонизм, полностью подтвердился. Не зря эта методология, частично или полностью, без упоминания ее авторства вошла составным элементом практически во все сколь-нибудь реалистические теории мировой политики. Классовый подход остается в силе и сегодня при рассмотрении многих ключевых проблем, особенно в сфере производства, занятости населения, его социальной защищенности, внешнеполитических ориентиров и международных отношений.

Но очевидно и другое. Реалии конца XX в., не говоря уже о веке грядущем, гораздо сложнее, многофакторнее и поливариантнее, чем те, с какими имели дело Маркс, а за ним Ленин. Во главу угла глобальной динамики и механизмов развития социально-политических измене-

ний выдвигаются не просто межклассовые, но и межцивилизационные отношения.

Межцивилизационные и внутрицивилизационные отношения и противоречия вбирают в себя межклассовые, не снимая их совсем, тем не менее, на определенных этапах способны отчасти нивелировать, снижать их конфронтационные компоненты. Скажем, вторая мировая война оказалась не только войной двух мировых социально-классовых систем, но и войной, определяемой по узловому для научной геополитики принципу — «народ — территория — образ жизни».

Германский фашизм поставил перед собой цель уничтожить СССР не только как родину социализма, но прежде всего как ядро нового типа геополитической структуры. Именно этот факт обусловил появление антигитлеровской коалиции, включившей в себя неоднородные классово-государственные образования.

Равно как и сегодня внутри России, а шире — по всему пространству бывшего СССР **главное противоречие состоит не в антагонизме между основными классами и социальными слоями, а между правящими режимами, опирающимися на узкий слой либо компрадорской, либо националистической «ворократии», стремящейся к слому евразийской цивилизации в лице России, и остальным населением; между объединительными тенденциями развития России и субъективными, волюнтаристскими устремлениями захватившей в стране власть узкокорпоративной группы.**

Необходимость изменения всех сторон жизни общества или потребность в новой генеральной линии назревала давно и была продиктована как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Внутри страны, как уже говорилось, государственная форма собственности, поглотив по существу колхозную, стала единственной на всем пространстве СССР, и тем самым практически была ликвидирована основа конкуренции, состязательности, соревнование стало формальным актом. Так исчез естественный, объективный источник прогресса социальной системы.

Субъективным фактором развития всех структур социалистического общества стала КПСС. Постановлениями ЦК КПСС, решениями пленумов ЦК и съездов партии стимулировалось выполнение планов в промышленности и сельском хозяйстве, в сфере культуры и образования и др. При этом активно использовались и средства административного воздействия.

Волюнтаризм в управлении привел к тому, что произошел перекос в развитии различных отраслей народного хозяйства. Максимум вни-

мания партия уделяла развитию тяжелой промышленности, в то же время отставали в своем развитии легкая и пищевая, что, естественно, отразилось на жизненном уровне народа.

Командные методы в сельском хозяйстве убивали инициативу тружеников села, что неизбежно вело к снижению производительности труда, особенно в такой отрасли, как животноводство.

Не имея свободных финансовых ресурсов, промышленные предприятия не могли своевременно обновлять технику, вводить новые технологии, использовать новейшие достижения науки и техники. Да и сама наука в результате невостребованности научных разработок, за исключением оборонных отраслей, теряла стимулы развития.

Жесткая централизация управления обществом, имевшая свои преимущества на начальной стадии социалистического строительства, в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления хозяйства, к концу 60-х годов исчерпала себя практически полностью. Проблемы стали нарастать быстрее, чем решаться, из-за чего все более отчетливо проявлялись застойные явления: резкое замедление темпов экономического роста с 7—8% в год в начале 70-х до 1—2% в начале 80-х годов; стагнация центров управления; снижение роста благосостояния населения; углубление деформаций, накопление и повсеместное распространение негативных явлений.

Таким образом, *в начале 80-х годов отчетливо проявились следующие противоречия обществен-*

ного развития: между фактически единой формой государственной собственности и основанной на ней централизованной системой управления и растущей потребностью в самоуправлении крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, научных центров и высокоразвитых регионов страны; между интенсивным развитием различных предприятий группы А, прежде всего оборонного комплекса, и предприятий группы Б; между высокой степенью развития промышленности и отсталостью сельского хозяйства; между застывшими производственными отношениями и возросшим производственным потенциалом; между ростом объема производства номенклатуры продукции и снижением потребления населения в силу узости ассортимента товаров широкого потребления в общей массе производимой продукции; между тенденцией к унификации культуры и стремлением сохранить и развить национальную культуру; между официальной политикой атеизма и реальной религиозностью народа.

Произошел социально-психологический надлом, отчетливо проявившийся в равнодушии, индифферентности основной массы населения к смене политической власти в стране и устранению от рычагов управления КПСС.

Вовне страны сложившийся военно-стратегический паритет между СССР и США способствовал повороту от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Однако этот поворот, будучи вынужденным и ограниченным (он затрагивал лишь уровень стратегических вооружений), отнюдь не снимал политические и экономические противоречия с За-

падом. Известные противоречия нарастали и внутри содружества социалистических стран. В странах социализма зеркально отразилась ситуация, сложившаяся в СССР, чем незамедлительно воспользовался Запад.

Наконец, нельзя не отметить и третью группу противоречий — в самом западном мире. Прежде всего между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами, между высокоразвитыми странами за рынки сбыта, энергию и материальные ресурсы. Сегодня мы вправе сделать вывод о том, что противоречия между США и СССР были основаны не столько на разнице идеологий, сколько на соперничестве за политическое и экономическое влияние в мире.

Автор согласен с теми исследователями, кто рассматривает эти процессы через призму тех изменений, которые совершались не только в нашей стране, но и в масштабах цивилизационных отношений. Основная тенденция этих изменений, проявляющаяся в различных регионах мира и странах по-разному, с неодинаковой степенью интенсивности и напряженности политических, социально-экономических, идеологических, духовных и иных противоречий, очевидна.

Прежде всего это процесс адаптации социально-экономических систем к потребностям научно-технической революции, сопровождающийся стремлением к установлению единообразной структуры совокупных производительных сил и на их основе — новых социальных структур.

В русле общемировой тенденции преобразования социально-экономической системы на-

чалась и реформаторская деятельность М.С.Горбачева. В стране стали постепенно ослабляться мощные централистские обручи, сдавливавшие творческую свободу личности. Во главу угла выдвигался приоритет человека, его социальная обеспеченность и свобода. Усилились и разговоры об ответственности, уникальности, всестороннем и гармоничном развитии личности.

Началась смена акцентов в отношении общего и частного интересов в сторону ослабления доминирования общего интереса над частным. В результате повышалась активность народа. Долго сдерживаемая самодеятельность масс стала находить различные, в том числе и нестандартные, формы самовыражения. Перед обществом во весь рост встала острейшая потребность в проведении ряда коренных преобразований. В частности, компенсирования снижения трудовой энергии и энтузиазма введением новых технических достижений; создания экономических рычагов для творческого труда; поднятия сельского хозяйства; коренного улучшения состояния сферы услуг, медицинского обслуживания; реформирования системы образования, физической культуры и спорта; проведения демократизации политической системы; поднятия на качественно новый уровень культуры и культурного обслуживания населения.

Нельзя сказать, что руководство страны не видело назревшей потребности. **Из года в год на всех уровнях вызревало понимание того, что требуется механизм, способный придать должный динамизм социально-экономическому развитию страны. В результате сложилась модель перестрой-**

ки, направленная на овладение социально-политическими изменениями сначала в рамках существовавшего государственно-политического и общественного строя, а затем и гораздо шире — с выходом за пределы формационных отношений, с учетом общецивилизационных процессов.

Пожалуй, просто нелепо убеждать кого-либо, что реформы могут проводиться результативно при наличии ряда условий, как-то: разработанной программы и четкой цели реформ; энергичной, высокоинтеллектуальной команды реформаторов; сильной и действенной системы управления политическими явлениями; разработанных, продуманных методов реформирования; мобилизации средств массовой информации на разъяснение сути, целей и последствий реформ для государства в целом и конкретного человека в частности, с тем, чтобы вовлечь как можно больше населения в процесс реформ; сохранения и развития структур, отношений, функций, методов, образа жизни, которые получили одобрение у населения.

Приблизительно по этой схеме реформаторских элементов развивался процесс реформ в Китае. Их успех очевиден.

Ничего подобного Горбачевым и его командой сделано не было. Трудовые коллективы, партийные организации, хозяйственные руководители, широкие слои интеллигенции были отодвинуты от активного участия в обновлении общества. Право определять направления, толковать смысл перестроечных процессов присвоил себе узкий круг руководящих лиц, явно не обладавших универсальной компетенцией, гре-

шивших схематизмом и импровизацией, не умевших толково организовать дело. И тогда опорой их стали «народные фронты», национал-эгоисты, элитарные группы «неформальных» объединений. Вместо работы развернулся парад политической спеси, демагогии и дилетантизма, захлестнувший и парализовавший всю страну.

Под предлогом борьбы с прежней системой разрушили единые общесоюзные структуры общественного и государственного управления и контроля. Уничтожая изжившую себя командно-административную систему, не заметили, что заодно разрушили основные властные структурные элементы, необходимые в любом государстве. В результате были серьезно повреждены хозяйственные связи, порушена трудовая, технологическая, договорная и государственная дисциплина. Вирус спекуляции проник в сам организм народного хозяйства.

Общество оказалось в состоянии глубокого всеохватывающего кризиса. Его структурообразующими элементами стали: огосударствление всех сторон общественной жизни; диктатура партийной верхушки, произвол и беззаконие; хищническая эксплуатация природы; догматизм и нетерпимость к чужому мнению; сверхконфронтационность во внешней политике.

Эти явления сопровождались крупными ошибками и просчетами, допущенными при реализации ключевых целей и задач перестройки.

В экономике: развал народного хозяйства и воцарение всеобщего хаоса; подмена стремления покончить с уравниловкой пренебре-

жением к социальной справедливости; ухудшение материального положения широких слоев населения.

Во внутренней политике: пренебрежение наставшими в обществе напряженностью и политическими разногласиями антагонистического характера; непонимание, а иногда и поощрение сепаратистских настроений в союзных республиках, рост национализма и русофобии, развертывание борьбы не просто за власть, но и за характер самой власти; утрата людьми веры в способность тогдашнего руководства навести относительный порядок и наладить работу по разрешению насущных проблем; фактическое сползание общества к «холодной» гражданской войне.

Во внешней политике: наряду с признаками некоторого оздоровления международной обстановки был нарушен военно-стратегический паритет между Востоком и Западом, достигнутый неимоверным напряжением сил нескольких поколений советского народа и послуживший основой для благотворных глобальных перемен. Впервые за многие десятилетия страна лишилась реальных военно-политических союзников.

До конца оказалась неосознанной и заинтересованность внешних сил в том, чтобы события в нашей стране развивались так, а не каким-либо иным образом. Да, безусловно, дальновидные политики на Западе и Востоке хотели иметь дело с СССР — надежным, стабильным и миролюбивым партнером, а не с голодной, раздираемой социальными и национальными распрями страной и тем более — не с

десятками остро соперничающих между собой карликовых государств, имеющих спорные границы и бряцающих ко всему прочему современным оружием.

Но, кроме таких политиков, были и есть транснациональные компании, рассматривавшие Советский Союз как потенциальную кладовую сырья, из которой можно выгрести немало ценного с помощью наших же, достаточно дешевых рабочих рук. Продолжают действовать против нас и хорошо финансируемые спецслужбы разных стран. Наверняка правы те, кто считает, что давно уже наши доморощенные мафиозные структуры смыкаются с международным криминалитетом, прежде всего с профашистскими организациями и наркомафией. Но это тревожит даже меньше, чем то, что местные и зарубежные проходимцы нередко находят себе высоких покровителей в правительственных и государственных структурах страны.

Суммарный вывод состоит в следующем. *Глубокая модернизация была необходима. Общество переросло узкие рамки брежневского социализма, а экономика — примитивную логику бюрократического планирования. Трагедией для СССР стал тот факт, что партийная номенклатура уже давно отказалась от идеи быстрого, но бережного реформирования, реформирования без слома исторической традиции российской цивилизации. Она восприняла, причем в вульгаризованном виде, как ранее марксизм, идеологию европоцентризма: все должны повторить путь Запада. А в его рамках — социальную философию неолиберализма, который переживал временную фазу подъема.*

Эта философия и была положена в основу реформ, что означало не плавный переход к социал-демократической модели типа шведской или западногерманской, как предлагал идеолог демократов А.Д. Сахаров, а «большой скачок» к США. Значит — революцию со всеми присущими ей страданиями и разрухой. Это отбросило страну от многоукладной социально ориентированной экономики, к которой можно было постепенно идти от состояния 1989 года. Революция, тем более с насилием, оставляет две альтернативы: патернализм, вплоть до военного коммунизма, или вымирание населения. Нас толкают ко второй.

К середине 1991 г. сложился довольно любопытный и своеобразный рисунок политических сил. Формально старая партийная номенклатура продолжала удерживать важнейшие рычаги управления. Под ее контролем находились силовые структуры. Партийно-государственная вертикаль, изрядно потрепанная и расшатанная за шесть перестроечных лет, хотя уже и не была как раньше надежным исполнительным каркасом, но все-таки оставалась опытным и профессиональным в делах административно-хозяйственного управления кадровым корпусом. Законодательный орган — Верховный Совет СССР — в случае необходимости, пусть и не так легко и безболезненно, как в былые времена, мог набирать нужное для принятия стабилизационных решений большинство. В руках партии продолжали оставаться Центральное телевидение и большинство областных студий, зна-

чительная часть центральной и местной прессы. При желании верхов СМИ были способны выполнять свои функции.

Проще сказать, у партии было если не все, то почти все необходимое для оперативного руководства экономикой и обществом в целом. Не было одного, самого главного — ее центральный организм оказался начисто лишенным деятельной и целенаправленной политической воли. Попытка восполнить этот пробел воссозданием Компартии РСФСР не дала ожидаемого эффекта. Не хватило времени. Да и деятельность КП РСФСР разворачивалась в крайне осложненных условиях. Против нее с благословения Политбюро ЦК КПСС был сосредоточен огонь практически всех СМИ, была развернута дискредитация ее руководящего ядра.

В результате уставшая и одряхлевшая КПСС, к тому же ведомая на заклание собственными вождями, не нашла в себе сил даже для того, чтобы, повинуясь инстинкту самосохранения, принять самые насущные меры предосторожности и самозащиты. И все же, продолжая «по инерции», во многом формально, контролировать господствующие политические высоты, именно КПСС, казалось, непреодолимым препятствием лежала на дороге у новых политических сил, стремившихся занять ее место на Олимпе государственной власти. Кроме того, продолжала сохраняться «опасность» (малая, но все же!), что здоровое внутрипартийное реформирование сможет вдохнуть в ее огромное тело искру новой жизни.

Поэтому перед «демократической» элитой со всей остротой и неотложностью встал вопрос о необходимости обеспечить резкий, одномоментный «сброс» своих партийных оппонентов и разрушение механизмов политического господства КПСС.

Эта квазидемократическая элита, быстро сформировавшаяся за годы перестройки из партийных ренегатов, чиновников-конъюнктурщиков, чутких к малейшему изменению политического климата, «агентов влияния», диссидентов-правозащитников, части денационализированной «творческой» интеллигенции и других фрагментов, внешне представляла собой явление бесформенное и пестрое. Она не имела бы никаких шансов на победу, если бы не сложившиеся объективные причины, о которых речь шла выше, и ряд субъективных факторов, сыгравших в этом противостоянии решающую роль.

Во-первых, это деятельная, прямо-таки маниакальная воля к власти, объединившая рыхлое, разноликое множество демократов в единую команду. Речь идет лишь о тех, кто действовал сознательно, а не об огромном большинстве благонамеренных людей, поддавшихся обаянию броских лозунгов и популистских призывов.

Во-вторых, привлекательная после десятилетий аллилуйщины и идеологического застоя либерально-демократическая идеология, за щедро размалеванным фасадом которой неискушенному взгляду наивной российской публики почти невозможно было разглядеть лицемерие ее

громогласных проповедников. Именно эта идеология обеспечила демократам безоговорочную поддержку Запада со всеми вытекающими отсюда материальными и организационными последствиями. Именно в ее недрах таилось то разрушительное зерно, ради которого, собственно, она и навязывалась общественному мнению столь энергично и шумно, всходы которого совпали с развалом СССР, а первые плоды — с октябрьской трагедией 93-го года в Москве.

В-третьих, и это, пожалуй, главное — демократы имели влиятельных союзников в другом стане. «Монолитное единство» КПСС оказалось блефом, и **значительная часть беспринципной номенклатуры, привлеченная обещаниями «жить, как в Швейцарии», составила в тылу партии внушительную «пятую колонну», в любой момент готовую сдать ее тому, кто больше заплатит. Парадоксально, но факт: во главе этой армии предателей и перебежчиков встал сам генеральный секретарь ЦК КПСС со своим ближайшим окружением.**

На политической арене существовала и еще одна сила — региональная. Она была представлена политическими элитами союзных республик. На беду, у большинства из них зачатки государственной мудрости ограничивались стремлением подгрести под себя побольше власти и различных благ, урвать побольше прав и льгот. В погоне за этими вожделенными целями они были всегда готовы поддержать того, кто им больше обещает.

Ясно, что при таком раскладе сил партийная элита была обречена. Вопрос заключался лишь в

том, каким путем произойдет смена власти — эволюционным или революционным? Первый оставлял возможность существования единого государства и дальнейшего здорового реформирования общества, второй — предполагал развал страны, резкое ослабление России и как следствие — мощный геополитический сдвиг в пользу Запада.

Важнейшей тенденцией, определившей механизм социально-политических изменений в начале 90-х годов, явилось нарастание социального конфликта. Провал перестройки как механизма разрешения агонистического, то есть примиримого, конфликта способствовал его переходу сперва в хроническую форму, а затем в стадию бурного перерастания в конфликт антагонистический. Субъектом конфликта стали уже не отдельные индивиды и группы давления, а практически все социальные слои и политические группировки. Содержание конфликта определялось борьбой за власть и ее последующее удержание.

С того момента как политической группировке крайних, радикальных «западников» удалось при поддержке мировой олигархии ценой развала СССР взять в России политическую власть, стало очевидно, что значительная часть россиян не примет тот путь развития, на который ее стремились направить радикал-демократы. Столь же очевидно было и то, что число недовольных станет расти по мере обнищания масс и углубления всеобщего хаоса — неизбеж-

ных последствий политического и экономического курса нового российского руководства. На определенном этапе недовольство достигнет критической точки, и тогда под угрозой окажутся плоды многолетней кропотливой деятельности мощных международных сил, стремящихся на своем пути к мировому господству любыми путями устранить Россию с геополитической арены.

Удержать в таких условиях под контролем огромную страну без применения силы практически невозможно. Поэтому **перед сценаристами нашей современной драмы была изначально поставлена задача — разработать и практически реализовать в России методику контролируемого перевода страны в новый политический режим с элементами диктатуры**. При этом программа-максимум предусматривает достижение негласного, но полного и жесткого международного контроля над внутриполитической ситуацией. Программа-минимум — недопущение к рычагам государственной власти национально-патриотических сил.

При анализе политических и социальных коллизий в России в рамках такой методики получают свое внятное объяснение многие загадки нашей новейшей истории. В новом свете предстает трагикомический «путч» ГКЧП. Ясным становится и поразительное совпадение должностей «путчистов» в августе 91-го и «мятежников» в октябре 93-го. Более того, с этой точки зрения возможно даже достаточно четкое прогнозирование политической ситуации в ближайшем будущем.

Методика этого программирования может быть условно названа методикой «контролируемых взрывов» или «управляемой катастрофы». Ее главной целью является последовательное устранение с российской политической арены всех сил, которые в состоянии воспрепятствовать интеграции страны в единую сверхгосударственную систему «нового мирового порядка». Принцип ее действия основан на использовании политических и общественных антагонизмов, естественным образом существующих во всяком государстве, тем более — в государстве, охваченном, подобно России, глубоким системным кризисом. Исходной точкой реализации подобной методики является сложившаяся на некоторый момент времени политическая реальность, конечным результатом — перевод всей общественно-политической системы в принципиально новое состояние с определенными заданными характеристиками.

Для простоты и удобства схематичного описания установим, что в процессе участвуют: **«игроки»**, преследующие самостоятельные политические цели, и **«дирижер»**, задача которого с помощью описываемой методики обеспечить определенные правила игры, гарантирующие заданный результат. В сущности, «дирижер» — такой же «игрок», как другие, но только более высокого порядка, высшей квалификации. Он тоже преследует самостоятельную цель, с той лишь разницей, что от большинства «игроков» она скрыта, и это — необходимое условие ее реализации.

Весь процесс для удобства анализа можно разделить на пять последовательных фаз.

ПЕРВАЯ фаза является установочной, или начальной. Она предусматривает определение «дирижером» своего отношения к «игрокам». Происходит деление «игроков» на своих и чужих, друзей и врагов, союзников и противников. Главным критерием, позволяющим с достаточной точностью произвести подобную операцию, является отношение «игроков» к неким принципиальным, эталонным понятиям и требованиям, отражающим истинные цели «дирижера» в этой игре. Выявление таких «эталонов» во всех областях жизни для аналитика-наблюдателя чрезвычайно важно, ибо именно они позволяют составить наиболее реальное представление о настоящих, а не показных, движущих силах «игры».

Предполагая, что роль «дирижера» в современной русской смуте — как это было уже не раз на протяжении нашей бурной тысячелетней истории — пытается взять на себя некая внешняя сила, заинтересованная в устранении сильного соперника, мы (применительно к предпутчевой ситуации 1991 г.) получим:

1. «Эталоном» для выбора друзей «дирижеру» должна служить готовность «игроков» ради достижения своих индивидуальных политических и материальных целей (власть, богатство и т.д.) жертвовать интересами СССР (России) как геополитического субъекта: территориальной целостностью страны, ее военной и экономической мощью, политическим суверенитетом, духовной и культурной самобытностью и др.

2. В противостоянии «демократов» и «коммунистов» естественными союзниками «дири-

жера» оказываются денационализированные «демократы» с их стремлением к «интеграции в мировую хозяйственную систему», «вхождению в рынок», «примату общечеловеческих ценностей» и тому подобным идеологическим фетишам, скрывающим за собой отсутствие какой бы то ни было общенациональной цели и зачатков государственного инстинкта.

ВТОРАЯ фаза — накопительная, или поляризационная. Друзья и недруги определены, так что теперь эти две силы надо максимально поляризовать и исключить всякую возможность компромисса между ними. Вокруг одного из полюсов сосредоточиваются все те, кто предназначен «дирижером» к выходу на сцену и захвату власти после окончания игры, а вокруг другого — те, кого необходимо устранить с политической арены.

Здесь особую важность приобретает вопрос персональный. Россия, как известно, не терпит безликих истин, в ней каждая идея, претендующая на реализацию, обязательно должна быть персонифицирована. Роль индивидуальности, личности, яркого и деятельного лидера в наших условиях трудно переоценить. Вот почему на этом этапе опытный «дирижер» всемерно стремится к тому, чтобы все «игроки» противной стороны, все политические лидеры оппозиции успели достаточно ясно проявить себя и оказались при этом в одной общей политической связке. Антиполюс, подлежащий устранению, должен успеть притянуть к себе все силы, предназначенные к «срезу», всех лидеров, устранение которых гарантирует «игрокам» — со-

юзникам «дирижера» максимальную свободу действий.

Проецируя такую схему на эпоху перестройки, найдем, что первой фазе игры примерно соответствуют 85—89-й годы, а второй — 89—90-й.

ТРЕТЬЯ фаза — кризисная. Она, пожалуй, является ключевой, важнейшей среди всех. Ее реализация требует от «дирижера» особенно тщательной, всесторонней подготовки и филигранного, изощренного мастерства политической интриги. Главным содержанием этой фазы игры является искусное стравливание противников, нагнетание субъективных противоречий, исключающих возможность договоренностей, направленных на выход из кризиса. При этом ситуация переводится в патовое, тупиковое состояние, когда обращение к помощи нормальных, правовых, эволюционных политических средств становится невозможным.

Одновременно всемерно провоцируется столкновение «игроков» в условиях, заведомо невыгодных противникам «дирижера» и благоприятных для его союзников.

Именно так развивались события в конце 90-го — первой половине 91-го года. Развал мировой системы социализма, прогрессирующий распад СССР, агрессивный национализм окраин, январские события в Литве, необъяснимое бездействие генсека-президента, облеченного необъятной властью, волнения в партийных низах, истерика «демократических» СМИ, шельмование армии и потеря всех стратегических союзников, игнорирование результатов мартовского референдума, подтвердившего единство стра-

ны, — все это в результате привело к тому, что у партии — точнее, у ее консервативно-государственного крыла — практически не осталось выбора. Надо было либо безоговорочно капитулировать перед новыми реальностями, либо предпринять решительные действия по стабилизации внутреннего и внешнего положения СССР.

Так был спровоцирован августовский «путч».

ЧЕТВЕРТАЯ фаза процесса — силовая, или революционная. По времени она самая короткая, по значению — решающая. Ее течение почти полностью зависит от того, насколько тщательно была проведена подготовка на предшествующем этапе игры. Конечно, элемент риска остается всегда, однако при грамотных действиях «дирижера» он довольно мал.

Эта фаза предполагает выход «игроков» за рамки правового поля и устоявшихся политических стереотипов. Такой взрыв создает идеальные предварительные условия для решительного изменения политического ландшафта. Затем пребывающее в шоке общественное мнение позволяет победившему «игроку» совершать любые революционные манипуляции, не опасаясь ответственности и организованного противодействия.

В случае с ГКЧП плачевный для его вдохновителей и участников результат был предопределен изначально, а возможность неконтролируемого развития «путча» сведена к минимуму. Этому способствовали следующие факторы:

1. Предсказуемость самого события. Путч, что называется, «витал в воздухе» задолго до по-

пытки его практической реализации. То, что нечто подобное должно вот-вот произойти, главным «игрокам» было очевидно заранее, так что «посвященные» имели полную возможность подготовиться к развязке.

2. Изначально бутафорский, робкий и нерешительный характер «путча». Даже самими организаторами он никогда не планировался всерьез. Молчаливо предполагалось, что демонстрация решительности и силы сама по себе расставит все по своим местам, став затем декорацией, эффектным фоном, на котором беспрепятственно и легко будут проведены стабилизационные меры.

3. Странное (мягко говоря) поведение главы партии и государства. Двойная игра президента-генсека на этом этапе очевидна. Открыв своим бездействием «зеленый свет» ГКЧП, он мгновенно «сдал» всех соратников-партийцев, как только ситуация стала необратимой. Притом его персональные политические цели незамысловаты и понятны: избавиться от стеснительной опеки «консерваторов», развязать себе руки для дальнейших политических и кадровых комбинаций и т.д.

Цели «дирижера», однако, были иными. И именно они предопределили содержание заключительного, пятого этапа этой игры.

ПЯТАЯ фаза может быть определена как обвальная. В результате спровоцированного политического взрыва враждебный силовой полюс оказывается «вне закона» и безжалостно ликвидируется. Разрыв правового пространства и паралич потрясенного неожидан-

ным оборотом дел противника позволяют победившим «игрокам» оперативно разгромить своих оппонентов, быстро занять все командные высоты и решительно перевести ситуацию в новое, выгодное для себя качество, **что и предусматривалось той методикой, в рамках которой действовал «дирижер».**

В случае с августовским «путчем» эта обвальная фаза длилась вплоть до декабря 1991 г., когда в результате беловежского сговора, закономерно увенчавшего «перестроечный процесс», был юридически ликвидирован СССР — исторический и геополитический преемник Российской империи. Искомое «новое качество» как внутрироссийского, так и глобального, общемирового баланса сил было достигнуто.

Вкратце эту методику можно сформулировать следующим образом: «РАСКОЛ — КОНФЛИКТ — ТУПИК — ВЗРЫВ — ОБВАЛ». В правящую политическую группировку вносится семя раскола или стимулируется уже существующее. Соперничающие фракции искусственно поляризуются по отношению к заданной идеологической паре (коммунизм — демократия; космополитизм — национализм; капитализм — социализм; рынок — план и т.д.). Противоречия целенаправленно подогреваются, превращая противостояние в открытый конфликт. Далее следует политический тупик, затем жестокий кризис, в ходе силового преодоления которого «враждебная» политическая группировка ликвидируется. В случае необходимости все опять повторяется по мере того, как команда победителей теряет свою монолитность и в ее среде

вновь начинают нарастать «нежелательные» тенденции. Последовательная серия таких взрывов раз за разом «фильтрует» политический спектр правящей элиты, постепенно выбивая неугодные силы из всех структур власти и государственного управления, дробя и уничтожая их социальную базу, дезорганизуя и препятствуя идеологической и практической консолидации.

Эволюция современной власти

Политическая конструкция, возникшая в стране в результате государственного переворота в сентябре — октябре и выборов 12 декабря 1993 г., отличается крайней неустойчивостью. **Прежде всего нужно констатировать, что это власть меньшинства над огромным трудящимся большинством.** Этот факт не скрывается и открыто подчеркивается.

Ряд представителей властей прямо заявляет, что их цель — создание нового слоя собственников, новой буржуазии, интересы которых они намерены прежде всего проводить и защищать.

В России все больше укрепляется господство горстки людей, нажившихся на разграблении общественной собственности. Поскольку разграбление, массовое воровство стали возможными с позволения и поощрения государственной власти, то и сама эта власть становится криминализированной, тесно связывающей чиновничество с преступным миром, делающей коррупцию обычным повседневным явлением. **Поощрение политики и действий нынешних российских руководителей международным капиталом делает**

принадлежащую им государственную власть компрадорской, антинациональной силой.

Сентябрьско-октябрьский государственный переворот и был направлен на приведение формы власти в соответствие с ее новой классовой сущностью. Разгром системы Советов превратил представительные органы в Центре и на местах в безвластные придатки исполнительных структур. Резкое ограничение полномочий парламента сопровождалось практически полным исчезновением из его состава представителей основной части населения — рабочих и крестьян. Парламент и местные органы заполняются чиновниками.

Свертывается контроль выборных представителей за системой управления. Разрушается связь между высшими и местными представительными органами. **Формируется режим самовластия, опирающийся на огромную, в два раза большую, чем всего несколько лет назад, армию чиновников.**

Непомерное усиление президентской администрации фактически полностью разрушило декларированный в новой Конституции России принцип разделения властей.

Подписанный в апреле 1994 г. рядом государственных и политических структур Договор об общественном согласии мало что изменил в принципиальных контурах режима. Дело в том, что сегодня в государстве нет ни одной ветви власти, правомерность которой не могла бы быть оспорена, подвергнута серьезному сомнению.

Президент, присягавший на верность Конституции, сам же грубо растоптал ее. Феде-

ральное Собрание возникло в результате выборов, назначенных в обход Конституции и проведенных недемократично. Независимость Конституционного суда превратилась в насмешку после грубого шантажа, заставившего его замолчать.

Сегодня в политической системе сложился хорошо известный по истории дореволюционного российского парламентаризма «треугольник»: самодержец (царь, президент), неподконтрольный и неподотчетный народному правительству; правительство, назначенное самодержцем и опять-таки неподконтрольное народному представительству; и, наконец, двухпалатный парламент (при царе — Дума и Государственный совет, у нас — Дума и Совет Федерации), нижняя палата которого наделена весьма ограниченными законодательными (по сути — законосовещательными) и бюджетными правами и начисто лишена контрольно-распорядительных функций. Самодержец может распустить парламент, а тот никак не способен влиять ни на самодержца, ни на правительство.

Во время экономического и политического кризиса накануне Февральской революции эта система доказала свою неспособность держать ситуацию под контролем. Попытки думского большинства (так называемого «Прогрессивного блока», недавним аналогом которого было «Российское единство») убедить царя отказаться от услуг придворной камарильи во главе с Г.Распутиным и поручить формирование правительства Думе успехом не увенчались.

История, как известно, никого ничему не учит. Та же архаичная система была, по сути,

реанимирована в России после учреждения поста президента и незамедлительно породила те же дисбалансы и противоречия, в решающей мере способствовавшие трагической развязке.

Теперь она вновь воспроизводится в еще более жесткой, закоснелой форме, таящей в себе угрозу все более разрушительного взрыва. По-прежнему узел всех противоречий стянут в вопросе о реальной власти парламента, о праве парламентского большинства формировать и контролировать правительство, реально влиять на политический и экономический курс.

Не надо преуменьшать сложности, ждущие Россию впереди. И все же надежда есть. **Никакие антидемократические меры не смогут помешать сдвигу в общественном сознании. Они способны привести лишь к быстрому сокращению социальной базы режима. Но они никак не в силах предотвратить грядущие перемены.**

Во-первых, гражданский мир — не всеобщее братание и не устранение всех и всяческих противоречий. Это способ их ненасильственного разрешения. **Борьба различных общественных тенденций неизбежна, но она не должна вести к разрушению государства, его экономики, социальной и духовной сферы.** Чтобы не допустить этого, необходимо формирование широкой социальной и политической коалиции на основе признания национально-государственных интересов и ценностей, движения, способного, благодаря своему весу и влиянию, нейтрализовать политически, экономически и морально изолировать «партию гражданской войны», представляющую криминально-компрадорские, коррумпированные, люмпенские элементы.

При наличии доброй воли и элементарной общественной ответственности политический спектр такой коалиции может оказаться очень широким: от коммунистов и социалистов через национал-патриотов и центристов до демократов-государственников, не приемлющих космополитические цели и установки.

Во-вторых, движение к восстановлению гражданского мира не сводится к словесным реверансам, а должно подкрепляться конкретными шагами. Такими шагами и условиями, необходимыми для национального примирения, могли бы стать:

1. Смена социально-экономического курса и выработка национально-государственной доктрины, учитывающей весь тысячелетний опыт российской государственности. **Вне социалистического развития Россия из кризиса выйти не сможет.**

2. Формирование правительства национального доверия, опирающегося на парламентское большинство, и подконтрольного Государственной Думе.

3. Прекращение глумления над армией, над органами госбезопасности и милиции, недопущение использования их в качестве жандармерии, орудия внутриполитической борьбы.

4. Отказ от идеологической мести, от издевательства над наукой и культурой, традиционными религиями.

5. Немедленное возвращение долгов крестьянам, зарплаты — рабочим и служащим, предоставление лекарств и поддержки старикам, возможности бесплатной учебы — детям и студентам.

6. Принятие чрезвычайных мер по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, бандитизмом.

7. Гарантия объективного изложения позиций всех политических сил в государственных средствах массовой информации, сохранение общенационального информационного пространства.

8. Восстановление обновленного союзного государства на добровольной основе по инициативе Российской Федерации.

Гражданский мир — не одноразовый акт подписания декларации. Это сложный, комплексный процесс, и интересам его реализации должно быть подчинено наше отношение ко всем социально-политическим реалиям: к президенту и его администрации; к правительству; к тем или иным законопроектам и общественным инициативам; к политическим партиям; к забастовкам и иным массовым проявлениям протеста.

Как показывает ход развития событий конца 1994 — начала 1995 г., ситуация в стране может измениться столь же круто, как и в августе 1991 г.

Политический режим в России утратил поддержку не только у беднейшей части населения, но и у тех социальных слоев, на которые он опирался в начале своей деятельности: мелкой и крупной буржуазии, части творческой и научной интеллигенции, зарождающегося фермерства.

Чеченский кризис окончательно скомпрометировал правящий режим. Сами же демократы, безраздельно поддержавшие расстрел Белого дома в октябре 93-го, в январе 95-го заговорили о реальной диктатуре в стране. Разоряемое из года в год крестьянство все активнее выступает против режима. Пробуждается рабочий класс, перед которым явственно просматривается не просто нищенское существование, безработица, но и реальная угроза деквалификации и голода. Прозревает интеллигенция, ощутив на себе все прелести разрушительной политики.

Естественно, в нашей стране, да еще в столь сложной политической и социально-экономи-

ческой ситуации, сделать ближайший прогноз не просто. Однако логика развития событий и объективные тенденции самосохранения России, которые, как исторически доказано, неоднократно спасали страну, и сегодня позволяют с определенностью сказать, что **«демократия» в своем нынешнем проявлении неизбежно будет заменена на социально-экономическую и политическую систему, соответствующую национальному духу народа. Суть ее: державность, народность, патриотизм и интернационализм.**

Российская государственность

Исследуя глубинные причины кризиса современной российской государственности и вытекающие из него уроки, нельзя, помимо вопроса об ответственности политических сил, руководивших страной на протяжении предыдущих десятилетий, обойти и другой существеннейший вопрос — о смысле российской государственности, столь объемно и полно нашедший разработку в трудах многих выдающихся отечественных мыслителей.

Само возникновение стабильной русской государственности связано с явлением духовным — Крещением Руси в 988 году. Принятие христианства, объединившее вольнолюбивых полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных прочным мировоззренческим союзом общих религиозных идеалов, положило начало формированию той уникальной этнополитической и духовно-идеологической общности, которая известна миру под названием «русский народ». С этой поры каждый мало-мальски значимый период нашей истории неизбежно совпадал с этапами духовного становления России.

Первоосновой российской государственности испокон веков были и остаются: державность, многоукладность, народность, духовность и патриотизм, сведенные в собирательное понятие «русская идея», со временем составившая ядро другого понятия — «общероссийская идея».

В своей классической форме «русская идея» не признает за государственной мощью самодостаточного значения, определяя ее целью лишь создание оптимальных условий для достижения справедливости, нравственных идеалов личного, семейного и общественного бытия. На этом основополагающем утверждении базируется вся идеология «симфонии властей» — духовной, нравственно-религиозной и государственной, светской.

Как только этот «симфонический» принцип нарушался, внутренние противоречия в обществе тут же становились глубже, а их разрешение — проблематичнее, духовное состояние общества переставало быть первостепенной заботой государства. **Неизбежное следствие несоответствия внешнего державного величия страны и внутреннего идеологического состояния общества — жесткий кризис национального самосознания, а результат — распад государственности.**

С момента возникновения в X веке единого и централизованного Московского царства, закономерного преемника древней Киевской Руси, государственность России мужала и восходила «из силы в силу» как государственность имперская. Из катастрофы 1914—1917 гг., обнаружившей полный крах выработавших свой «ресурс» господствующих классов, утрату ими

государственного инстинкта, наша страна выходила и вышла именно в той мере, в какой в ее государственности на новой социальной основе возрождались державные начала.

Россия издавна сознавала себя преемницей и хранительницей державно-имперского наследия. «Москва — третий Рим» — так предельно сжато обозначил многовековую преемственность русской государственной идеи инок Филофей еще на рубеже XV—XVI вв.

По мысли позднейших истолкователей тезиса «Москва — третий Рим», историческое движение от Рима через Византию к Москве ознаменовало собой последовательно становление трех главных начал имперской государственности: римское правовое, властное единство было обогащено византийским духовно-нравственным, христианским, единством и, наконец, получило завершение в народном единстве Московской Руси — России. Это нашло отражение в формуле «Самодержавие. Православие. Народность», выдвинутой полтора века назад министром просвещения С.С.Уваровым.

Революция 1917 г. стала закономерным результатом всеобъемлющего кризиса, поразившего прежде всего основы государственной жизни и национального самосознания. Новое государство — СССР с момента своего возникновения вело жизнь полную противоречий. С одной стороны, огромная историческая инерция российской государственности и державная традиция национального самосознания неуклонно подталкивали Советский Союз к принятию на себя той геополитической роли, которую на протяжении долгих веков играла историческая

Россия. С другой стороны, неоправданно резкий разрыв тысячелетней государственной и духовной традиции, категорическое отрицание своей исторической преемственности, безоглядное очернительство прежних идеалов и безудержный нигилизм по отношению к национальным ценностям народной жизни крайне отрицательно сказывались на развитии страны.

Ситуация резко изменилась с началом Великой Отечественной войны. Обращение к чувству глубокого и искреннего патриотизма, к историческим традициям России сотворило чудо. В основание другого чуда — невиданно быстрого восстановления народного хозяйства, разоренного войной, — лег осознанный поворот партийно-государственного руководства во внутриполитической области к национальным ценностям, отказ от доктринерских мифов, от русофобии, от оголтелой антицерковной кампании.

Грянувшую через несколько лет «хрущевскую оттепель», несмотря на некоторые позитивные результаты, можно с полным основанием назвать репетицией сегодняшней перестройки. Как и сейчас, «режиссеры» цинично воспользовались тогда народной доверчивостью и стремлением к справедливости. Под аккомпанемент речей о необходимости реабилитации жертв политических репрессий, что само по себе было крайне необходимо, духовные потомки всех ненавистников России сумели свернуть, заморозить едва начавшийся процесс национального российского возрождения.

Период хрущевского правления, как и последовавшая за ним эпоха «застоя», были умело

использованы этими деятелями для всемерного восстановления и укрепления своих позиций во всех звеньях управленческо-информационных структур. С другой стороны, в партийных низах и среди значительной части руководящих работников продолжали укрепляться и зреть государственно-патриотические убеждения, росло понимание того, что без опоры на наше великое тысячелетнее наследие мы будем лишены будущего.

К середине 80-х годов в партии объективно сложилась такая ситуация, когда «смена поколений», которая должна была естественным путем произойти в ближайшие годы, с неизбежностью привела бы к власти политиков новой формации, тяготеющих к исторически преемственным, национально-государственным державным идеалам. Несложно представить, как пугала такая возможность наших внешних и внутренних недоброжелателей. Были задействованы все возможные варианты «аппаратных игр».

Главные положения, которые вытекают из горького опыта распада союзной и тяжелого кризиса российской федеральной государственности, следующие:

1. Необходимо восстановление народовластия, т.е. власти подавляющего большинства трудового населения.

2. Экономическим базисом в течение всего периода восстановления отечественной государственности должна стать многоукладная экономика с сохранением ведущей роли общенародной собственности и государственного регулирования про-

изводства, с сохранением и усилением всех основных социально-экономических прав трудящихся.

3. Принципом устройства многонационального Российского государства может быть только конституционный федерализм.

4. Краеугольным камнем российской государственной политики должно стать всемерное и свободное развитие национального своеобразия народов, связавших свою историческую судьбу с Россией.

За независимую внешнюю политику

Целостное понимание процессов, определяющих современный этап мировой политики, является безусловной предпосылкой эффективности российской внешнеполитической доктрины. Сегодня состояние международных отношений определяется, на наш взгляд, такими важнейшими факторами:

— нарастанием глобальных кризисных явлений во всех областях человеческой деятельности — от экономики и политики до культуры и религии;

— развалом геополитического равновесия, исторически сложившимся гарантом которого на протяжении трех последних столетий являлась Россия (СССР);

— началом практической реализации планов по установлению «нового мирового порядка», предусматривающего, по сути, введение планетарного режима политической, экономической и военной диктатуры Запада во главе с США.

Тот путь развития, которым пошли богатые западные страны, населенные ныне «золотым миллиардом» сверхобеспеченных потребителей, неприемлем и невозможен для остальной (при-

чем подавляющей) части человечества. Попытки повторить его могут лишь осложнить ситуацию и ускорить развязку, ибо такого энергетического и технологического напряжения биосфера Земли просто не выдержит.

Это заставляет Запад активно разрабатывать стратегию, которая позволила бы ему миновать опасную зону развития за счет других, не поступаясь своим богатством и не снижая достигнутого уровня потребления. Добиться этого без изменения баланса сил невозможно.

Развал исторически сложившегося геополитического равновесия стал возможен путем устранения СССР с мировой арены. Что же получилось в результате перестройки и развала СССР? Укажем на следующие изменения:

- **фактическую утрату страной статуса великой державы, возникновение ее зависимости от внешних сил;**
- **потерю всех былых союзников и свертывание сотрудничества с большей частью наших доброжелательных партнеров — как политических, так и экономических;**
- **резкое снижение уровня государственной и национальной безопасности по всем важнейшим параметрам: военным, политическим, экономическим, идеологическим;**
- **стратегическую дестабилизацию огромного географического пространства — от Прибалтики до Кавказа, от Кишинева до Душанбе.**

Начало реализации планов по установлению «нового мирового порядка» означает, что мировая закулиса приступила к решительным действиям по формированию жесткой, централи-

зованной системы принудительного управления развитием человеческой цивилизации.

Сам термин «новый мировой порядок» (НМП) появился не сегодня. Но впервые он был открыто внедрен в общественное сознание сразу после войны в Персидском заливе, которая показала всему миру, что отныне СССР является «младшим партнером» США по всем стратегическим вопросам международной политики. Бойня в Ираке зримо ознаменовала собой кончину традиционного биполярного мира, построенного на балансе двух сверхдержав, и положила начало новой эре в мировой политике.

Совершенно очевидно, таким образом, что **внешняя политика страны требует серьезной корректировки.** Полагаем, что в ее основу следует положить концепцию «здорового национального прагматизма». В ее рамках сделать упор на то, что принесет политико-экономическую выгоду для России; избегать таких акций, за которые страна вынуждена платить высокую политическую или экономическую цену, а тем более таких, которые нанесли бы ей прямой ущерб. Вместе с тем подобный прагматизм не должен перерастать в политическую беспринципность, а должен базироваться на началах общечеловеческой морали и нравственности, нормах международного права.

Предлагаемая доктрина должна, на наш взгляд, включать в себя следующие принципиально важные компоненты:

— преемственность внешней политики страны. Новая доктрина должна вобрать в себя все

ценное и позитивное, что было в международной деятельности как дореволюционной России, так и СССР;

— безусловную независимость в принятии внешнеполитических решений, что не исключает консультаций с другими странами;

— опору на собственные силы, что не исключает возможности использования в разумных пределах иностранной помощи;

— отказ от чрезмерной заидеологизированности внешней политики;

— развитие внешнеполитических связей по всем азимутам;

— оборонную достаточность;

— нацеленность международной политики на создание таких внешнеполитических условий, которые обеспечивали бы оптимальные возможности для стабильного поступательного развития страны, прогресса национальной экономики, подъема жизненного уровня народа.

Гарант геополитического равновесия

Первоочередной задачей представляется определение тех главных, наиболее вероятных опасностей и препятствий, которые могут возникнуть на пути развития России. Проще сказать, определив основные угрозы, нависшие сегодня над нашей страной и цивилизацией в целом, мы тем самым как бы «от противного» сможем определить и ее первоочередные задачи в нынешний смутный период российской истории. Сделать это вне исследования цивилизационных и межцивилизационных процессов, места и роли в них России попросту невозможно.

С древнейших времен субъектами цивилизаций, их носителями и хранителями, главными действующими лицами на сцене мировой истории являются этносы: нации и народы, а также их более широкие совокупности, взаимодействие которых и определяет картину мировой политики и культуры в каждый конкретный исторический момент.

Поступательное движение истории носит вместе с тем явно выраженный циклически-волнообразный, спиралевидный характер. Великие

и проницательные умы человечества от Экклезиаста и Гераклита, Вико и Лейбница, Гегеля и Маркса до Ленина, Чижевского, Тойнби и Кондратьева установили присутствие в истории множества таких циклов длительностью до десятков тысяч лет. Сколько их всего — точно не известно до сих пор. Но, накладываясь и пересекаясь друг с другом, они временами образуют «узлы» решающего значения, переломные точки гигантской важности, для объяснения которых созданы такие теории, как, например, теория «пассионарных толчков» Л.Гумилева или «осевого времени» К.Ясперса.

Не вдаваясь в суть этих и других исторических теорий и не отдавая никакой из них пальмы первенства, хочется все же подчеркнуть тот мало кем оспариваемый факт, что *одной из отправных точек развития, приведших к современному положению вещей в мире, служит рубеж двухтысячелетней давности: он ознаменовал собой утерю греко-римской цивилизацией ее ведущих позиций в мире и рождение новой — христианской цивилизации, которой суждено было постепенно стать определяющей силой мирового развития.*

Ее державной основой становится мировая империя Рима, национальной базой — полиэтническая общность, унаследованная от греко-римской эллинистической культуры, фундаментом общественных форм самоорганизации — соборность, коллективизм, опирающиеся на мощную духовную традицию, в которой категории выгоды и пользы занимают подчиненное положение по отношению к

религиозно-нравственным идеалам и нормам общественной морали.

Ярким примером преемственности мировоззренческих архетипов классической христианской цивилизации является история России в ее десятивековом драматическом развитии.

Другим примером, принципиально изменившим картину мира и внесшим важнейшие коррективы в дальнейшую историю человечества, стал расцвет мусульманской цивилизации. Она создала мощный, конкурирующий с христианством центр религиозного, государственного, идеологического и культурного притяжения. Возникнув в VII в. на Аравийском полуострове среди кочевых арабских племен, ислам неимоверно быстро распространился по всей южной и восточной оконечности Средиземноморья. Волна мусульманских завоеваний неудержимым потоком прокатилась по Ближнему и Среднему Востоку, Средней Азии, Африке, затронув юг Европы.

По мере развития и расширения мусульманского мира этническая база ислама расширялась за счет тюркских народов, персов, африканцев и даже славян.

Этот процесс затянулся на многие столетия, но уже применительно к началу второго тысячелетия нашей эры правомерно говорить о том, что **судьбы мира решались во взаимоотношении между тремя цивилизациями: православной (византийско-славянской), западноевропейской и мусульманской.** Существовали, конечно, и другие, порой весьма древние цивилизации, подобные, скажем, индуистской, но, будучи системами самозамкнутыми

и, так сказать, «дремлющими», они не оказывали значительного влияния на главный вектор мирового исторического развития.

Западная цивилизация, едва успев родиться, тут же проявила свой амбициозный нрав. Наиболее рельефно он отразился в мощном взрыве ее милитаристской активности, на протяжении двух столетий потрясавшей континент и принявшей форму знаменитых крестовых походов.

Они проводились с благословения Ватикана не только против иноверческого мусульманского Востока, но и против православного мира. Помимо взятия и беспощадного разграбления столицы Византии Константинополя (1204 г.), известно немало других, не менее впечатляющих фактов антиправославной направленности западной цивилизации. Уже в 1147 г. папа римский Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». Длительная и кровопролитная борьба католических военно-монашеских орденов против земель северо-западной православной Руси являет собой достаточно яркий и убедительный пример реализации этого благословения.

Пройдя в своем развитии через ряд эпох — Возрождения (XIV—XV вв.), Реформации (XVI—XVII вв.), Великих географических открытий, Просвещения (XVIII в.), индустриальную эпоху (XIX в.), — западная цивилизация в XX в. вступила в эпоху катастроф. Борьба с Россией становится в это время приоритетным направлением западной политики.

Говоря о попытках Запада увековечить свое глобальное лидерство, надо ясно понимать, что

содержание его политической стратегии далеко не всегда укладывается в реальные рамки динамики и механизма цивилизационных изменений. Это сознают и наиболее проницательные западные геополитики.

В 1993 г. ряд наиболее престижных периодических изданий США опубликовал статьи директора Орлингтонского института стратегических исследований при Гарвардском университете Сэмюэля Хантингтона. Даже одни названия этих статей, например «Битва цивилизаций», уже говорят о многом. Мировая политика, считает Хантингтон, вступает в новую фазу, в которой основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Великие раздоры в среде человечества будут порождены культурно-историческими различиями. Это столкновение цивилизаций и станет доминирующим фактором в глобальной политике.

Облик мира, согласно модели Хантингтона, все в большей мере будет определяться взаимодействием семи или восьми главных цивилизаций, самобытность которых станет приобретать все большее и большее значение. Среди таких цивилизаций он называет прежде всего западную, славянско-православную, конфуцианскую (китайскую), исламскую, индуистскую, японскую, латиноамериканскую и африканскую. **Самые серьезные и кровопролитные конфликты будут происходить вдоль границ, разделяющих эти цивилизации.** Методология политологических и геополитических прогнозов, основанная на классификации государств по признакам их идеологической (коммунизм — капитализм), поли-

тической (демократия — тоталитаризм) и экономической (свободный рынок — государственное регулирование) принадлежности — сегодня, по мнению ученого, утеряли уже практическую эффективность и не отвечают требованиям времени.

Основная сила той или иной цивилизации будет определяться ее военной мощью, считает Хантингтон. Поэтому *Запад должен сделать все возможное, чтобы оградить военное развитие «потенциально враждебных цивилизаций», то есть свернуть процессы разоружения, с одной стороны. А с другой — усилить попытки по расширению территориальных границ западной цивилизации за счет государств Восточной Европы и Латинской Америки. В России же и Японии — обеспечить приоритетную поддержку тем группировкам, которые ориентируются на западную модель развития.*

Мы так подробно изложили взгляды Хантингтона не для того, чтобы солидаризироваться с ними. Он исходит из неизбежности эскалации конфликтов с широкомасштабными трагическими последствиями, будучи озабочен сохранением глобального господства Запада.

Наша позиция иная.

Противоречия и столкновения между сложившимися цивилизациями действительно могут стать определяющим фактором мировой и региональной нестабильности в обозримом будущем. **Наиболее вероятным представляется проявление межцивилизационного соперничества в давно известных, «опробованных» формах.** Историческое поле общечеловеческого развития с не-

запамятных времен изрыто разнообразными трещинами и разломами. Они-то и станут, очевидно, передовыми рубежами в том «соперничестве цивилизаций», которое определит облик мира в обозримом будущем.

К наиболее серьезным, болезненным и широко распространенным разломам, оказавшим максимальное влияние на мировую политику, можно в первую очередь отнести следующие:

- *геополитические (Атлантизм — Евразия);*
- *социально-экономические (богатый Север — нищий Юг);*
- *расовые и этнические (межнациональные);*
- *конфессиональные (межрелигиозные);*
- *внутрисистемные в рамках родственных культур.*

Кроме того, устроители «нового мирового порядка» вряд ли смогут отпраздновать победу. Непомерное напряжение сил, потребное для поддержания лидирующего положения в мире, подтачивает внутреннюю жизнеспособность США. А отсутствие второго глобального «центра» силы с неизбежностью ведет к тому, что геополитический рисунок планеты обретает иной вид, чреватый для Запада новыми, неразрешимыми в рамках «нового мирового порядка» проблемами.

Дело в том, что, согласно одному из фундаментальных законов геополитики, **на реальную независимость и настоящий суверенитет могут претендовать ныне лишь те народы, общества и культуры, которые в рамках своей государственности сумели решить проблему территориальной самодостаточности, т.е. геополитической самостоятельности.**

В рамках глобального атлантического (США + Западная Европа) и евразийского (СССР + Восточная Европа) противостояния Больших Пространств, каждое из которых в своих претензиях опиралось на мондиалистские доктрины, все остальные регионы планеты оказались как бы «разорванными» в мощных полях притяжения двух сверхдержав. Но оставшегося сегодня в «гордом одиночестве» силового поля США может оказаться явно недостаточно, чтобы «замкнуть» на себя все разбегающиеся регионы, и дремавшие до поры до времени альтернативные Большие Пространства постепенно начинают оказывать все большее влияние на ход мировой политики.

История распорядилась таким образом, что значительная часть конкурирующих Больших Пространств, т.е. территориально, экономически и культурно самодостаточных регионов планеты, совпадают с «ареалами обитания» тех или иных современных цивилизаций (Россия, Индия, Китай — лишь яркие примеры). Там же, где единая государственность отсутствует (как, скажем, в случае с мусульманским миром и ближневосточным регионом), возникают объективные предпосылки для развития центростремительных, консолидирующих тенденций.

В этих условиях России важно адаптироваться к быстро меняющейся ситуации на мировой арене, выработать правильную глобальную стратегию. Ее уникальное географическое положение вкупе с еще сохранившимися военно-экономическими, демографическими и политическими

возможностями диктует нам вариант развития, в основу которого должно быть положено стремление российской державы вернуть себе традиционную многовековую роль своеобразного «геополитического балансира» — гаранта мирового геополитического равновесия сил и справедливого учета взаимных интересов.

Национальные интересы

На наш взгляд, возможные варианты развития российских национальных интересов сводятся к нескольким «типовым» глобальным сценариям. Вряд ли какой-либо из них может претендовать на практическую реализацию в «химически чистом» виде, но сами по себе эти варианты межцивилизационного взаимодействия являются концентрированным выражением тенденций развития человеческого сообщества, важным элементом которого является Россия.

Главные факторы, определяющие ныне геополитическую динамику, делятся на три основные категории: **«факторы риска»**, **«факторы стабилизации»** и **«факторы нового мирового порядка»**. Соответственно им наиболее вероятные сценарии мировой политики можно охарактеризовать так:

- *сценарий «нового мирового порядка»;*
- *сценарий «глобальной смуты»;*
- *сценарий «баланса интересов».*

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК. Сегодня уже стало общепринятым утверждение о том,

что план «нового мирового порядка» на деле есть не что иное, как набор мондиалистских технологий, направленных на установление глобальной диктатуры Запада во имя сохранения им иллюзии своего политического, экономического и военного лидерства.

Но в окончательном виде этот план представляет собой явление более комплексное и разностороннее. Подыскивая ему исторические аналогии, нельзя не признать, что по сути это — всемирный мессианский, эсхатологический религиозный проект, по своим масштабам, степени продуманности и основательности подготовки далеко превосходящий известные в истории формы планетарных утопий, будь то римский империализм времен Тиберия и Диоклетиана, халифат Аббасидов, движение протестантов-фундаменталистов в Европе или троцкистские грезы о Мировой Революции.

В области мировоззренческой НМП опирается на «постхристианскую» религиозность. Его идеология (вспомним «конец истории» Ф.Фукуямы) предусматривает реализацию многовековых мессианских чаяний Запада в форме либерально-демократического «рая на земле». Сами идеологи мондиализма убеждены, что речь идет о скором приходе в мир Мессии, который утвердит на земле законы совершенной религии и явится основателем «золотого века» человечества, который будет протекать под управлением единого Мирового Сверхправительства.

Подобные мотивы все чаще и отчетливей звучат в некоторых высказываниях представителей Бильдербергского клуба, Трехсторонней ко-

миссии, американского Совета по международным связям и других интеллектуальных центров мондиализма. Вероучения многочисленных и весьма влиятельных на Западе сект (таких, как свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня, и др.) прямо ориентируют своих приверженцев на такое развитие событий.

В области геополитической НМП прочно увязан с «глобальной стратегией» США и с атлантическим Большим Пространством, которое мыслится как его главная территориальная опора, своеобразная «метрополия» всемирной колониальной империи. Здесь будут сосредоточены внутренние «высокоорганизованные пространства» так называемого Торгового Строя, где «власть измеряется количеством контролируемых денег», ставших «единым эквивалентом, универсальной мерой вещей». Об этом убедительно рассуждает Жак Аттали, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития, член Бильдербергского клуба, в своей недавно появившейся книге «Линии горизонта».

Экономически НМП являет собой царство «свободного рынка», где «деньги будут определять закон», а «человек мыслится как предмет, товар». Культурно же и национально идеология НМП предполагает агрессивное «всесмесительство», против которого так яростно боролся еще К.Н.Леонтьев. Массовая культура гигантских мегаполисов и безбрежный космополитизм «этнических котлов» — таковы идеалы НМП в этих областях.

ГЛОБАЛЬНАЯ СМУТА. Этот сценарий является своеобразной антитезой НМП. Пред-

полагается, что он будет воплощен в жизнь в случае обвального краха мондиалистских утопий Запада. О реальной возможности такого развития событий сегодня говорят многие — от З.Бжезинского в США до митрополита Иоанна в России.

Возможность взрыва внутри потребительской цивилизации Запада заложена в самых сокровенных основах механизма ее эволюции. Сотни лет она горделиво демонстрировала лозунги материального благополучия, отвергая любые «идеальные» цели, не сулившие прямой материальной выгоды и сверхбарышей.

Сегодня расширять производство можно лишь при условии, что объем вовлекаемых в хозяйственный цикл природных и трудовых ресурсов постоянно увеличивается. Из века в век Запад, как ненасытный Молох или гигантский водоворот, засасывал в свою утробу полезные ископаемые и дешевую колониальную рабочую силу, новые территории и сферы влияния, товары, деньги, идеи и мозги. Здесь — важнейший побудительный стимул западного колониального экспансионизма и гегемонистских претензий. Его механизм устроен так, что он просто не может остановиться. Остановка означает смерть для Запада.

Даже уменьшение темпов прироста вызывает его серьезные внутрисистемные кризисы, а уж значительное сокращение потребления и связанное с ним снижение уровня жизни разнесет «свободный мир» вдребезги. Но ведь когда-то останавливаться придется. Поэтому Запад все сильнее противопоставляет себя всему остальному человечеству.

Обвал Запада, если он произойдет, вызовет цепную реакцию по всей нашей планете. «Оживут» все линии разлома, вспыхнут новые «горячие точки», запылают различные конфликтные регионы. В таком случае **уберечься от тотального хаоса и глобальной смуты Россия сможет, если только она изначально будет развиваться на путях всемерного укрепления собственной государственности, ее идеологической, политической, экономической и военной самодостаточности.**

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ. Этот сценарий предполагает, что обвал Запада будет происходить не одномоментно, а в режиме постепенного угасания. Тогда есть надежда, что в течение неизбежного «переходного периода» в мире сможет установиться новая глобальная политическая инфраструктура, основными элементами которой станут региональные «центры силы», имеющие каждый свою зону геополитической ответственности и способные к нахождению взаимоприемлемого баланса интересов.

Роль гаранта такого «сбалансированного мира» и смогла бы играть Россия — обновленная, преодолевшая кризис и укрепившая свою государственность на основе синтеза древней духовной традиции светского народовластия с достижениями современного «технотронного» века.

В строительстве подобной мировой конструкции могли бы сыграть свою позитивную роль уже имеющиеся структуры международного сотрудничества (ООН, например). Однако необходимым для этого условием должна стать их «деамериканизация», выход из сферы преимущественного влияния мондиа-

листского Запада. Тогда появится реальная возможность использования опыта различных международных институтов не в качестве утверждения НМП, но в виде основы для создания независимых и нейтральных механизмов по выработке взаимоприемлемых решений и координации сотрудничества.

Впрочем, не будем преувеличивать: «Сбалансированный Мир» тоже вряд ли станет миром без конфликтов и проблем. Потому-то и представляется особенно важным, чтобы его основы покоились не на мондиалистских утопиях, а на геополитическом равновесии Больших Пространств, цивилизаций и этноконфессиональных «центров сил», учете законных интересов всех государств и народов — больших и малых.

Тогда и только тогда мир сможет вздохнуть спокойно, отодвинуть угрозу глобального кризиса, неумолимо нарастающую в последние десятилетия, ставшую осязаемой реальностью после развала СССР. Тогда и только тогда Россия займет в мире свойственное ей место, вновь обретя свою традиционно миротворческую, стабилизирующую, сдерживающую хаос силу, не угрожающую никому, но твердо и решительно оградившую свою национальную безопасность от любых внешних или внутренних посягательств.

Государственная безопасность

Механизм обеспечения стратегии государственной безопасности включает в себя многообразный набор мер и средств. Ограничимся анализом лишь одного из ключевых его компонентов — военной доктрины Российской Федерации. На наш взгляд, военно-политические проблемы сводятся к следующему:

1. Качественно изменившаяся геополитическая и военно-стратегическая ситуация требует радикально и комплексно переосмыслить военную доктрину советского периода, основывающуюся на биполярной схеме мирового баланса сил; отказаться от непомерных, истощающих экономику геополитических амбиций, диктовавшихся зачастую не национальными, государственными или историческими интересами страны, а идеологическими постулатами, и перейти к активной переориентации Вооруженных Сил на первоочередное противодействие региональным угрозам нашей безопасности. **Естественно, при безусловном поддержании военного потенциала на таком уровне, когда гарантировано нанесение «не-**

приемлемого ущерба» любому потенциальному агрессору.

Одновременно с этим должна быть обеспечена также историческая преемственность нашего «оборонно-патриотического менталитета» во всех его областях — от военно-политической теории до военно-стратегической практики. Это означает признание того, что безопасность России по-прежнему может быть обеспечена только в случае готовности ее Вооруженных Сил самостоятельно и эффективно противостоять всему спектру потенциальных силовых угроз — от глобальной до региональных, местных и даже внутренних.

2. **Перспективы военного строительства должны адекватно учитывать тревожные тенденции международной политики. Анализ показывает, что в обозримой перспективе военно-политическая ситуация в мире будет определяться взаимодействием и противоборством трех таких тенденций, условно обозначаемых как «факторы целенаправленных изменений», «факторы риска» и «факторы нового мирового порядка».**

Ни одна из этих тенденций сама по себе не является благоприятной для России, не совпадает с ее долговременными экономическими, политическими или военными интересами и не сулит нам в будущем ничего, кроме новых волнений, тревог и разнообразных угроз. При этом готовность силой противостоять таким угрозам, наряду с активной миротворческой политикой по их предотвращению, представляет собой наиболее эффективный способ обеспечения российской безопасности.

3. **Современная российская военная стратегия может быть охарактеризована в целом как стратегия «оборонной достаточности», базирующаяся на политическом основании «здорового национального прагматизма».** Это означает, что:

— ближайший период в России должен рассматриваться прежде всего как период стабилизационный, в ходе которого необходимо в первую очередь обеспечить минимизацию ущерба, нанесенного стране непродуманными действиями политиков за последние годы;

— необходимо проработать механизмы мобилизации всех потенциальных возможностей общества с целью скорейшего вывода страны из глубокого системного кризиса;

— важно гарантировать приоритетное внимание внутренним проблемам социального оздоровления и национального возрождения;

— следует сократить всякую внешнюю государственную активность до уровня необходимого минимума, исключающего втягивание России в деятельность каких бы то ни было наднациональных международных организаций, претендующих на вмешательство во внутренние дела суверенных государств;

— нужно строжайше ограничить военную активность Вооруженных Сил страны рамками национальных интересов России, для защиты которых они должны иметь необходимую техническую, организационную и правовую базу;

— материальные и кадровые ресурсы, направляемые на оборону, должны определяться исходя из того, что важнейшей задачей в этой области является предотвращение дальнейшего

ухудшения военно-политических и военно-стратегических позиций России на мировой арене.

События последних лет выявили отсутствие у нас надежных военных союзников. Поэтому приоритетным направлением военного строительства должно быть обеспечение безопасности страны как в случае непосредственной военной агрессии против нее, так и при перерастании региональных угроз, связанных с локальными зонами военно-политической нестабильности, в угрозу комплексного геополитического кризиса — «глобальной смуты».

4. **Наряду с понятиями «здорового национального прагматизма» и «оборонной достаточности» ключевыми терминами российской военной доктрины, определяющими ее практические особенности, могут сегодня стать понятия «жизненных интересов» и «потенциального противника».**

Последнее из них было бы целесообразно ввести взамен дискредитировавшего себя в «холодной войне» термина «вероятный противник». Если под «вероятным противником» принято было понимать государства или союзы государств, рассматривавшихся в качестве враждебных в господствовавшей ранее неоправданно идеологизированной системе координат, то понятие **«потенциальный противник»**, лишенное «государственной принадлежности», призвано обретать конкретное наполнение вне зависимости от идеологических пристрастий, исключительно в соответствии с детально обоснованными военно-политическими прогнозами.

Наличие потенциальных военных угроз в современном мире является очевидным и общепризнан-

ным. Поэтому введение предлагаемого термина ни у кого не должно вызывать неоправданной тревоги, ибо не повлияет на общий оборонительный характер нашей военной доктрины. Одновременно оно существенно облегчит процессы формирования конкретных аспектов военной политики государства и повседневной боевой подготовки российских Вооруженных Сил.

В свою очередь, понятие «жизненных интересов» позволит придать процессу военного строительства большую ясность и целенаправленность, тем более там, где его потребности не могут быть адекватно отражены с помощью простого определения «потенциального противника». Эти интересы, понимаемые как законное право России претендовать на такой геополитический или региональный баланс сил, который обеспечивал бы ее безопасность и территориальную целостность, могут существовать в районах, где «потенциальный противник» просто отсутствует. Они могут быть также положены в основу нашей военной политики там, где дружественные отношения с местными государствами, взаимная лояльность или иные факторы исключают возможность иного рассмотрения ситуации и требуют гибкого подхода к обеспечению российской безопасности.

Альтернативная стратегия

Двадцатое столетие прошло под знаком глобального противостояния двух общественных систем — капитализма и социализма. Драматические события конца 80-х—90-х годов обозначили критический рубеж в этом соперничестве. Однако спор далеко не завершен, не разрешены еще реальные противоречия и проблемы развития человечества, которые нашли свое отражение в этом споре.

Капитализм, доминирующий на большей части земного шара, неузнаваемо преобразился за пять столетий существования, но тем не менее сохранил главные, сущностные критерии. «Производство вообще» как вечная естественная предпосылка человеческой жизни по-прежнему выступает в конкретно-исторической форме производства стоимости и прибавочной стоимости — капитала, не имеющего внутренней меры и стремящегося к бесконечному количественному возрастанию.

Разрешение всего комплекса стоящих сегодня перед человечеством проблем невозможно на пути превращения западного потребительского общества в глобальную модель развития.

Остаются реально осуществимыми две альтернативные стратегии.

Первая — по существу, неомальтузианская — заключается в ограничении роста или даже полной консервации уровня массового производства при сохранении его нынешней принципиальной технологической структуры. Социально-экономически этому соответствует существующая мировая структура распределения и потребления, увековечение деления человечества на «золотой миллиард» и эксплуатируемую им сырьевую периферию. А политически — закрепление глобальной гегемонии развитых капиталистических стран в форме «нового мирового порядка».

Другая стратегия нацелена на дальнейшее развитие производительных сил и неуклонное повышение уровня благосостояния всего населения Земли при сохранении ее экологического баланса на основе качественного изменения модели производства и потребления, коренного пересмотра системы общественных ценностей и приоритетов экономического развития и соответствующей переориентации общего вектора научного прогресса.

Совокупность направленных на достижение этой цели идей и разработок, ведущихся во многих странах мира, получила ныне общепринятое наименование концепции «устойчивого развития». Каковы бы ни были конкретные технические и организационные подробности этой концепции, ее социальное содержание, а также всемирно-историческую миссию ее реализации мы связываем с социализмом в его современных формах, отвечающих новому уровню раз-

вития производительных сил и характеру стоящих перед человечеством задач.

Социализм в своем развитии подошел к переломному моменту. Практически завершена эпоха ранних пролетарских революций, явившихся непосредственной реакцией на загнивание первоначального империализма, на материальную и моральную катастрофу мировых войн, поставивших цивилизацию на грань выживания. Эти революции выполнили свою историческую роль двояким образом: привели к прорыву цепи мирового империализма и образованию первых социалистических государств, с одной стороны, а с другой, — повлекли за собой мировую реформу в развитых капиталистических странах, закрепившую комплекс социально-экономических прав и политических свобод трудящихся и резко ускорившую переход капитализма в стадию «потребительского общества».

Социалистическая революция в России была для нее не праздным «экспериментом большевиков», а в огромной мере вынужденным шагом, сделанным народом вопреки незрелости многих «предпосылок социализма», единственным шансом на национально-государственное выживание в условиях краха экономики, территориального распада и социальной недееспособности правящего буржуазно-помещичьего блока. Именно поэтому Октябрьская революция была принята большинством народа.

После громадных жертв, вызванных первой мировой и гражданской войнами, была выработана программа стабилизации развития — но-

вая экономическая политика. Она претерпела серьезные изменения в связи с внешней угрозой. Были включены все возможности плановой мобилизации экономики под лозунгом «Догнать и перегнать!». С гигантским ускорением был воспроизведен путь первоначального накопления, свойственный капиталистическому типу индустриализации, за счет крестьянства, с широким использованием принудительного, в том числе дарового, труда, в атмосфере военной дисциплины и апелляций к революционному аскетизму.

Когда задача непосредственного выживания была решена и пришло время развития социализма на собственной основе, было допущено грубое упрощение социалистической идеи. Принципиально верный лозунг «максимального удовлетворения возрастающих потребностей трудящихся» остался на уровне абстрактного, внеисторического понимания способностей и потребностей человека, их связи с производством. Общественное «богатство» и «прогресс» были отождествлены с их буржуазной формой «скопления товаров» и их беспредельного умножения. Поэтому весь пафос принятой в 1961 г. III Программы КПСС оказался сведенным к прежнему лозунгу «Догнать и перегнать!», к некритическому копированию западного «общества потребления» на том же самом производственно-технологическом базисе.

В результате идея обходного технико-экономического маневра, выхода на качественно новый путь устойчивого развития с опорой на возможности плановой системы и

обозначившиеся новые технологические тенденции осталась незамеченной и невостребованной. Социализм таким образом утратил историческую перспективу.

Утрата была предопределена абсолютизацией опыта ранних социалистических преобразований. Следуя ему, социализм сосредоточил главные усилия на преодолении капиталистической формы собственности и распределения, оставляя в неприкосновенности присущий ему технологический способ производства и потребления, соответствующую им систему общественных ценностей и приоритетов.

В отрыве от решения этих двух задач не могла быть решена и задача, в которой заключена историческая миссия социализма — реальное, в отличие от формально-юридического, обобществление производства и развитие на его основе более высоких мотивов труда и творчества, достижение подлинной социальной справедливости, создание условий для свободного всестороннего развития человека.

Модель устойчивого развития, в создании которой, как уже говорилось выше, социализм обретет второе дыхание, представляется не чисто технической проблемой, а органичным единством взаимосвязанных социально-экономических, политических, культурно-психологических и технологических аспектов.

Глобальная ситуация диктует человечеству задачу обеспечить гармонизацию темпов и характера развития общества, а также стратегию всеобщего сбережения природной среды, материальных ресурсов и труда.

Исходя из анализа современных тенденций развития науки и техники, можно обрисовать общие контуры технологического базиса устойчивого развития. Для него будут характерны:

— дальнейшее совершенствование систем автоматизированного управления, накопления и передачи информации (микроэлектроника, оптиковолновая техника, большие и глобальные информационные сети, «искусственный интеллект»), овладение новыми источниками энергии и средствами ее хранения и передачи (управляемый термоядерный синтез, высокотемпературная сверхпроводимость), овладение новыми методами обработки сырья и материалов (когерентные излучения с высокой плотностью потока энергии, криогенная техника), овладение новыми природными процессами (микробиология, тонкая химия);

— переход от конвейерного серийного производства к гибкому автоматизированному производству, индивидуализация производства и потребления;

— рассредоточение производственных мощностей и деурбанизация на основе совершенствования транспортных и телекоммуникационных систем;

— повышенная безопасность как комплексное свойство человеко-машинных систем в единстве его технических, социально-психологических и культурно-нравственных аспектов;

— новый подход к проектированию технических систем. Повышение их эффективности, гибкости и срока службы, разрешение противоречия между моральным и физическим износом путем постоянной модернизации и перенацеливания из-

делий, возможность чего закладывается уже на этапе конструирования («планирование модификаций»);

— преодоление экологических ограничений на основе воссоединения производственных и природовосстановительных процессов в единый технологический процесс. Если до сих пор природа служила казалось бы вечным и неисчерпаемым «колодцем» человеческого труда («индустриальный» тип технологии), то теперь, наоборот, труд должен превратиться в основу сохранения природной среды («постиндустриальный» тип технологии).

Технологический процесс совпадает в своем социально-экономическом изменении с процессом реального обобществления труда, т.е. усиления его коллективного характера, возрастанием взаимосвязи различных отраслей и секторов производства, повышением уровня управляемости производства и подчинения его общегосударственным и глобальным целям и контролю. Обобществление труда — «главная материальная основа неизбежного наступления социализма» (*В.И. Ленин*), изживания пороков частной собственности и преодоления дикой рыночной стихии на основе ее научного регулирования.

Не вызывает сомнений, что решающую роль в технологическом прорыве к модели устойчивого развития сыграет крупномасштабный общественный сектор, регулируемый государством, власть над которым принадлежит трудящемуся большинству народа.

Глобальный, человеческий характер стратегии устойчивого развития не исключает, а,

наоборот, предполагает, что каждая страна, каждый народ придет к ее реализации по-своему. **Будущее человечества не за плоской унификацией, а за единством в многообразии, плодотворным взаимодействием самобытных общественных организмов.**

Все тот же выбор (Несколько слов в заключение)

Комплексный анализ основных тенденций и реального механизма социально-политических изменений в России последнего десятилетия показывает, что мы не вправе смотреть на наше Отечество как на страну без истории, что порой, увы, случалось и в результате приводило общество к тяжелым последствиям.

Будущее можно строить только на прочном фундаменте проверенной временем традиции, отчетливо сознавая особенности своего исторического пути, своей судьбы, характер встающих проблем, принципы и цели, которые должны лечь в основу перспективной модели развития.

СЕГОДНЯ, в обстановке социальной противоречивости и сверхнапряженности, ОСОБЕННО НЕОБХОДИМА НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ, СПОСОБНАЯ ПРЕВРАТИТЬСЯ В МАТЕРИАЛЬНУЮ СИЛУ, ОБЪЕДИНИТЬ ВОКРУГ СЕБЯ ВСЕ ЗДОРОВЫЕ, ПАТРИОТИЧЕСКИЕ СИЛЫ, ПРИДАТЬ ОСМЫСЛЕННЫЙ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ ХАРАКТЕР АКТИВНОСТИ САМЫХ ШИРОКИХ СЛОЕВ ОБЩЕСТВА.

Автор видит в России особый мир, целый «социальный Космос» со своими специфическими историческими, геополитическими, мировоззренческими, национальными и экономическими чертами, в которых по-особому преломляются общие закономерности общественного развития.

Нынешняя Российская Федерация — это еще не вполне Россия, а «обрубок» с кровоточащими разорванными связями. Главная причина социально-политического недомогания — попытка капиталистической реставрации, подрывающая материальные и духовные основы общества и государства и все более раскрывающая сущностные различия западной цивилизации и цивилизации российской. ***Капитализм не входит органически в плоть и кровь, в быт, в привычки и психологию нашего общества. Он уже однажды привел его к гражданской войне и ныне не приживется на российской почве.***

Пора этот исторический факт — несовместимость капитализма с народным менталитетом россиян — осознать всем, прежде всего тем, у кого ныне в руках политическая власть. Чтобы не пришлось потом горько сожалеть об упущенных возможностях и непредвиденных утратах. Поэтому, как подчеркнуто в Программе КПРФ, «возрождение нашего Отечества и возвращение на путь социализма неразделимы. История вновь оставила народам нашей Родины тот же выбор, что и в 1917-м, и в 1941 году: либо великая держава и социализм, либо дальнейший распад страны и окончательное превращение ее в колонию».

Россия исчерпала свой лимит на революционные восстания. Но это не значит, что россияне

согласны на роль жертвы, которую ведут на заклание ради благополучия соседей. Безумство прогнозируемой бойни большинство граждан страны решительно не приемлет, отдавая предпочтение сугубо мирным формам возврата России на путь стабильного устойчивого развития, где мерой благополучия станет не самодовольство «ворократии» в лице так называемых «новых русских», не имеющих ничего общего с вековыми ценностями россиян, а сам человек, его коренные жизненные потребности, вписывающиеся в бессмертную формулу прогресса всего человечества: ***свободное развитие каждого есть условие для свободного развития всех.***

Содержание

У развилки дорог
(*Вместо предисловия*) 3
Надлом 22
«Управляемая катастрофа» 36
Эволюция современной власти 46
Гражданский мир 50
Российская государственность 54
За независимую внешнюю политику 60
Гарант геополитического равновесия 64
Национальные интересы 73
Государственная безопасность 79
Альтернативная стратегия 84
Все тот же выбор
(*Несколько слов в заключение*) 92

Геннадий Андреевич Зюганов

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Группа подготовки оригинал-макета:
Е.Игнатова, Е.Комзолов, А.Попов, Л.Шаров

Издательская фирма «Информпечать»
109240, Москва, Котельническая наб., 17

Лицензия ЛР № 030167 от 21.10.91 г.
Подписано в печать 24.10.95 г. Формат 70x90/32.
Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 5,04.
Тираж 15000 экз. Заказ 521.
